

Зулай Хасбулатова

Семья и семейная обрядность чеченцев

Зулай Хасбулатова

**Семья и семейная
обрядность чеченцев**

«Автор»

2026

Хасбулатова З. И.

Семья и семейная обрядность чеченцев / З. И. Хасбулатова —
«Автор», 2026

Заседателева Лидия Борисовна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Учебно-научного центра прикладной этнологии, заместитель председателя Диссертационного совета по этнологии и археологии, заслуженный профессор МГУ. Багновская Нела Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, кафедра рекламы, связей с общественностью и дизайна.

Содержание

Глава	5
ГЛАВА I. ЧЕЧНЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	20
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Семья и семейная обрядность чеченцев

Глава

Хасбулатова Зулай Имрановна – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета и Чеченского государственного педагогического университета, «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Чеченской Республики». Награждена почетными грамотами Президента Чеченской Республики.

С 1978 г. работала в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы в качестве младшего, старшего научного сотрудника, заведовала отделом археологии и этнографии до закрытия института в 1994 г. С 1994 г. преподает этнологию в вузах Республики (ЧГУ, ЧГПУ), является главным научным сотрудником отдела археологии и этнографии Академии наук ЧР, главным научным сотрудником лаборатории археологии и этнографии Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Хасбулатова З.И. занимается изучением проблем традиционной и современной этнографии чеченцев. Исследователем опубликовано 3 монографии и более 160 научных статей в центральных и местных изданиях, а также в научных журналах перечня ВАК при Минобрнауки РФ. В работах Хасбулатовой З.И. дан анализ проблем семьи, семейной обрядности, традиций культуры воспитания детей, культуры поведения, этикета, народной медицины и других важных вопросов этнографии чеченцев.

По результатам научных исследований Хасбулатовой З.И. защищена докторская диссертация «Традиционная культура воспитания детей у чеченцев» (XIX – начало XX века)», в которой показана роль семьи и общества в процессе воспитания подрастающего поколения, определена специфика воспитания в зависимости от бытовавших форм семьи в традиционном чеченском обществе, проанализированы основные этапы нравственного и эстетического воспитания в чеченском обществе и их особенности.

Научные интересы ученого-этнолога многообразны. Разрабатываемая ею проблематика включает важнейшие традиционные формы материальной и духовной культуры, семейного и хозяйственного быта, нравственной формы поведения чеченцев и др., хронологически охватывая XIX и XX вв. Значительное место в научной деятельности З.И. Хасбулатовой занимают исследования семьи, семейного быта и обрядности, традиционные нормы воспитания детей чеченцев, народная медицина.

З.И. Хасбулатова – активный участник международных, российских, региональных, республиканских симпозиумов, конгрессов, конференций по различной проблематике этнологии народов Чечни, Северного Кавказа, их культурных и социально-экономических взаимосвязях и взаимоотношениях с Россией и другими народами.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения семьи и семейно-бытовой обрядности была и остается одной из важнейших задач гуманитарных наук. Ее исследованию придается большое значение как в российской, так и в зарубежной науке. Эта тема и сегодня остается актуальной в частности потому, что именно в сфере семьи, в зависимости от характерных для нее стиля поведения домочадцев, традиций и взаимоотношений, формировалась и формируется личность представителей новых поколений, осуществляется процесс их социализации. При этом чрезвычайно важную

роль играет личный пример родителей и их ближайшего окружения. Родители и другие близкие родственники на основе собственного примера формировали у своих детей такие черты характера, как добросовестное отношение к своему делу, любовь к Родине, доброту и отзывчивость к окружающим, гуманизм, честность, правдивость, дружелюбие, доброжелательность и т.д.

Семья является одним из главных институтов существования как человека, так и общества, и уже это говорит о важности анализа связанных с ней проблем. Своеобразие института семьи, которая воплощает в себе самые разные стороны развития общества, следует считать основной причиной возросшего интереса к этой проблеме со стороны исследователей разных направлений: историков, этнологов, социологов, философов, демографов, юристов и др. Именно понимание института семьи как весьма сложного социального организма, состоящего из системы неразрывно связанных между собой элементов, делает актуальным исследование брачно-семейных отношений названными выше дисциплинами.

«Прорастет ли в наших детях зерно этнокультурной и национальной идентичности? Сумеют ли они достойно продолжить лучшие традиции своих отцов и дедов – зависит от умения найти способ трансляции передачи вечных ценностей высокой отечественной культуры, выиграть битву за умы и сердца молодых. В этом сложном и многогранном процессе поистине важнейшую роль играет семья и семейное воспитание. Семья прежде всего закладывает в человеку основы той системы ценностных ориентиров, которыми он будет руководствоваться в дальнейшей жизни».

Изучение как традиционной, так и современной семьи значительно активизировалось в последние десятилетия¹. Отдельные аспекты семьи, семейно-

¹ Укажем лишь некоторые из этих изданий: Бромлей Ю.В., Кашуба М.Я. Брак и семья у народов Югославии (опыт историко-этнографического исследования). М., 1982; Ганцкая О.А. Польская семья: Опыт этнографического изучения. М., 1986; Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы. М., 1993; Семья в современном европейском обществе. М., 1996; Шабалина Л.П. Современная семья народов Среднего Поволжья: традиции и новации, этнические взаимовлияния. Ульяновск, 2002; Любарт М.К. Семья во французском обществе: XVIII – начало XIX века. М., 2005; Соловьева Л.Т. Семья и ее окружение в сельской

брачных отношений исследуют ученые различных специальностей – этнологи, социологи, демографы, медики, юристы и др. Семья, являясь микрочайкой общества, с одной стороны, прямо или косвенно отражает изменения, происходящие в данном обществе. А с другой – сама воздействует на развитие общества, на становление личности человека, его ценностных установок, идеалов, на его отношение к культурному наследию, к передаче трудовых навыков и т.д. Особое значение имеет семья и как важнейшая микрочайка воспроизводства этноса, сохранения традиционной семейно-бытовой обрядности.

Академик Ю.В. Бромлей отмечал, что в силу своей консервативности семья и сегодня остается носителем специфических этнических черт благодаря существующей исторической памяти и передаче знаний от поколения к поколению¹. От семьи, ее типа и структуры, уровня культуры ее членов в существенной степени зависело и зависит становление всесторонне развитой личности. Семья являлась и является непосредственным участником сохранения и передачи новому поколению нравственных, трудовых, общественных навыков, а также способствует выработке новых социальных ценностей. Структура семьи – один из важных факторов, который определяет ее жизнедеятельность в любом обществе, в том числе и чеченском. В современном мире, в том числе и в Чечне, несмотря на определенную сложность и неоднозначность социально-экономических и общественных процессов, семья сохраняет свои основные функции как общественный институт и как малая социальная группа. Семья играла и играет важную роль в воспитании подрастающего поколения, регламентации бытового уклада, сохранении и укреплении здоровья членов семьи, в обеспечении социально-экономического

прогресса общества, а также в динамике демографических процессов. Всегда и во все времена именно в семье закладывались и закладываются основы характера человека, его отношение к труду, обществу, семейным и культурным ценностям.

У чеченцев, как и у других народов России, вместе с ростом ценностных ориентаций на сохранение лучших национальных достояний культуры, народных традиций, обычаев и обрядов, быстро возрастает роль семьи в сфере межличностного общения представителей разных поколений, в области передачи хозяйственного, нравственного опыта и др. Сегодня в Чечне в значительной степени возрастает потребность больше знать о своем народе, возродить его историческую память, изучить его традиционную духовную культуру, нормы поведения, опыт воспитания подрастающих поколений и т.д. С учетом этих тенденций исследование семьи и семейно-бытовой обряд-

Абхазии: система адаптационных механизмов в эпоху перемен // Этническая экология: народы и их культуры. М., 2008; Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012; Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX века). М., 2015.

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 119.

ности чеченцев представляется в настоящее время актуальным не только в научном плане, но и в практическом – способствуя возрождению духовных, нравственных ценностей в чеченском обществе.

В последние десятилетия наблюдается существенный рост интереса среди жителей Чечни, в том числе и представителей молодого поколения, к историческому прошлому своего народа, к его культурному наследию. Основой для реализации этого интереса стали социально-политические изменения как в целом в стране, так и в Чеченской Республике, и рост национального самосознания, которые сопровождаются в первую очередь стремлением обратиться к исторической памяти народа, изучить его традиционную духовную культуру.

Таким образом, семья, являясь важнейшей ячейкой общества, играет главную роль в сохранении и передаче от поколения к поколению социального опыта и культурных традиций. Несмотря на свойственный ей консерватизм, семья, как было отмечено, отражает все изменения, происходящие в обществе, и в свою очередь подвергается трансформации.

Нам представляется, что семья – это единственный институт общества, который может и должен устоять в периоды социально-политических потрясений и перемен. Думается, что возрождение утраченных с течением времени социальных и культурных традиций возможно только с помощью семьи. С этим, на наш взгляд, связано то особое внимание, которое проявляют сегодня ученые-этологи, да и не только они, к проблемам семьи и семейно-бытовой обрядности, поскольку без здоровой семьи не может быть и здорового общества.

В этнографическом изучении народов Кавказа, в том числе и чеченцев, проблемы семьи, семейного быта и обрядности занимают существенное место. Всестороннее исследование семьи и семейной обрядности имеет большое значение для раскрытия закономерностей развития современных этнических процессов и особенностей их развития у чеченцев, а также для понимания проблем семьи, ее форм и структуры.

Анализируя в представленной работе традиционную семью и семейную обрядность чеченцев в XIX – начале XX в., мы хотим рассмотреть бытовавшие в рассматриваемое время основные формы семьи и семейно-бытовую обрядность, показать положение женщины в семье и обществе и др. Отметим, что мы не ставим своей задачей детальную характеристику всей, чрезвычайно многообразной, совокупности проблем, связанных с семьей и с семейной обрядностью.

Безусловно, анализ дореволюционной и современной семьи и семейно-бытовой обрядности требует комплексного подхода к проблеме с учетом различных сторон и факторов (политических, социально-экономических, культурных, нравственных и др.), в разной степени повлиявших и влияющих на жизнь и развитие семьи.

В предлагаемой монографии рассматриваются вопросы семьи и семейного быта чеченцев, структура семьи, внутрисемейные отношения, обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, цикл свадебной обрядности, похоронно-поминальные обычаи и обряды, традиции гостеприимства. В работе дается анализ численного и поколенного состава семьи, функции, которые она выполняла по отношению к обществу и по отношению к членам своей семьи, положение женщины в семье и обществе, ее имущественные и наследственные права, характер заключения брака, а также проблемы нравственной культуры чеченцев, представляющие собой важный историко-этнографический источник знаний о семье. Такой анализ названной темы имеет большое научное значение, поскольку на его основе воспроизводится характеристика семьи и как специфического социального института и как особой социально-психологической группы. Вместе с анализом общих закономерностей автор ставит задачу проследить и локальные особенности в развитии семьи в горной и равнинной Чечне, обусловленные характером их исторического развития и представляющие интерес как для истории семьи и брака у чеченцев в целом в республике, так и для раскрытия специфических черт семейного уклада горной и равнинной Чечни.

Хронологические рамки исследования охватывают в основном XIX – начало XX в. Иногда, по мере возможности, делается экскурс и в более отдаленное прошлое.

В связи с рассматриваемыми в работе проблемами семьи и семейного быта мы обращаемся также к анализу культуры поведения в семье и обществе. В монографии читатель найдет много ценных сведений о традиционных нормах поведения и формах общения в семейной и общественной жизни чеченцев. Примечательно, что чеченские пословицы, поговорки и притчи, передававшиеся из поколения в поколение, содержат немало ценных сведений о правилах и нормах поведения, которые регулировали обязанности мужчин, женщин и детей в семье и в обществе.

Отметим еще раз, что исследование семьи и семейной обрядности чеченцев представляется нам актуальным не только в научном плане, но и в практическом, поскольку оно может способствовать возрождению духовных, нравственных ценностей чеченцев.

Чеченцы называют свой язык «нена мотт» – «язык матери»; считается, что вместе с родным языком ребенок воспринимает и обычаи своего народа: уважение к родственникам, близким людям, ко всему живому, к своему селу, городу, стране, земле, ибо «в языке более чем в чем-либо другом отражается все миропонимание своего народа, природа страны и история народа», как писал К.Д. Ушинский.

Перед нами встает вопрос о необходимости постепенного возвращения к отчасти утраченной высокой духовности и нравственности чеченцев, к возрождению культуры, этики и эстетики и т.д. «Без возрождения духа нельзя решить и проблему материальных благ», – отмечал Патриарх всех Руси Алексей II. Думается, что эти слова можно отнести и к чеченскому народу. А возрождение духа пробуждения традиционной народной морали невозможно без обращения к историческим корням, ко всему богатству нравственных ценностей каждого из народов многонациональной России. Самым непосредственным образом это относится и к чеченскому народу, одному из древнейших народов Кавказа.

Важнейшей из сторон образа жизни человека следует считать сферу семейно-брачных отношений, которые сопровождали все основные события жизненного цикла: это в первую очередь создание семьи, рождение детей – их воспитание в семье, процесс социализации и т.д. Известно, что корень слова «семья» («добзал») – «доь» – сохранился в следующих известных в прошлом и не потерявших своего значения выражениях: «доь доцуш вайна», «добза вайна».

Семья, как социально-экономическая ячейка общества, в то же время является социальным институтом общества и в силу этого испытывает на себе не только влияние социально-экономических, политических и идеологических изменений в обществе, но и выполняет значительное число общественно необходимых и значимых функций – производство, передача последующим поколениям нравственной культуры, этнокультурных норм, традиций и т.п.¹ Семейные обряды и обычаи позволяют в необходимых случаях создавать ситуацию торжественности, веселья, ритуально обставляя происходящие в семье события, достойный уход человека из жизни, в определенной мере определяют статус человека, его нравственно-этическую и социальную культуру.

В XIX в., особенно во второй его половине, в хозяйственной и семейно-бытовой жизни чеченцев произошли существенные изменения. Однако к этому времени в быту чеченского народа в пережиточной форме все еще продолжали сохраняться некоторые архаические общественные и правовые институты и нормы. Уже в XVI–XVII вв. в Чечне основной экономической ячейкой становится малая индивидуальная семья, а этеминирующей формой организации аульной жизни – соседская или территориальная община. Правда, это не исключало бытования в чеченских аулах больших семейных общин, а также некоторых традиций семейно-родственных отношений, восходящих к предшествующим векам истории чеченского народа. Несмотря на свой пережиточный характер, изменение и деформация в новых исторических условиях, эти архаические формы общественных и семейных отношений продолжали играть заметную роль в повседневной жизни чеченцев вплоть до начала XX в.

Трудности в исследовании вопросов семьи и семейной обрядности усугубляются тем, что рассматриваемые социальные институты, находясь под не-

¹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. С. 24.

посредственным влиянием изменений в хозяйстве и общественной жизни, если и сохраняли прежние традиционные формы, то зачастую лишь чисто внешне. Утратив свое первоначальное содержание, они становились носителями новых складывающихся общественных отношений, причем старая форма зачастую вступала в конфликт с новым содержанием и выступала тормозящим фактором в приспособлении чеченского общества к новым реалиям жизни. Ретроспективный анализ указанных процессов на примере Чечни, кроме того, дает возможность и для выявления более ранних форм социальной организации чеченского общества, сыгравших важную роль в формировании общественных отношений в Чечне пореформенного периода.

Внимание этнографов к проблемам семьи определяется тем, что в ее быту и структуре долгое время сохраняется этническая специфика, а также тем, что семья и в высокоразвитых обществах остается важнейшей микроячейкой воспроизводства этноса, в которой происходит межпоколенная передача характерных для этнической культуры черт¹.

О народах Кавказа, в том числе и чеченском, с разных позиций писали многие дореволюционные авторы, которые преследовали разные цели и задачи. Проблемы семьи и семейно-бытовой обрядности чеченцев так или иначе затрагивали М.М. Ковалевский², Н.Ф. Дубровин³, Н. Данилевский, Ф.И. Леонтович, В.В. Сокольский, Н.Н. Харузин, Г.Ф. Чурсин, Б. Далгат, У. Лаудаев¹ и др.

Безусловно, следует отметить и то, что многое, характерное для традиционной чеченской семьи, семейной обрядности и семейных взаимоотношений в XIX – начале XX в., к настоящему времени утрачено. В связи с этим представляется важным, чтобы самое ценное, что определяло семейный быт и взаимоотношения в семье, сохранялось в быту чеченского народа и оказывало существенное влияние на современные семейные взаимоотношения. Нам думается, что такие высокие нравственные принципы традиционной чеченской семьи, как уважение к старшим и родителям, почитание женщины, трудолюбие, гостеприимство и многое другое, должны оставаться глав-

¹ Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // СЭ. 1977. 1. С. 16.

² Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2; Он же. Современный обычай и древний закон. М. 1886. Т. 1–2.

³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1872. Т. 1. Кн. 1.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву. Одесса, 1882–1883.

Сокольский В.В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1881. 1.

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1888. Вып. 3.

Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.

Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1893.

¹ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. Вып. VI.

ными ценностями и для каждой современной семьи. На наш взгляд, содержащиеся в данной монографии сведения помогут узнать много полезного и интересного для современной семейной жизни.

При написании представленной работы были использованы все доступные нам источники и материалы. Это этнографические данные и, в первую очередь, полевые материалы, собранные автором с 1977 г. по настоящее время как самостоятельно, так и в составе этнографических экспедиций, в частности историко-этнографических экспедиций кафедры этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а также историко-этнографических экспедиций отдела археологии и этнографии Чечено-Ингушского НИИ истории, языка, литературы, социологии (1980–1990 гг.).

Предмет данного исследования – изучение семьи и семейной обрядности у чеченцев в XIX – начале XX в. Такая задача ставится в этнологической науке Чечни впервые. Новым в представленной работе является попытка выявить специфику семьи и семейной обрядности, раскрыть их внутреннее содержание и определить, какое место занимали и какую роль играли многие пережиточные явления в специфических условиях существования чеченского народа в XIX – начале XX в.

В XIX – начале XX в. в Чечне можно было наблюдать пеструю мозаику социальных отношений, характерных для разных исторических эпох. Хотя в Чечне исторически не было ни рабовладения, ни феодализма как способа производства, тем не менее отдельные признаки, элементы этих формаций вместе с общинными патриархальными пережитками препятствовали развитию капитализма, способствовали относительно замкнутости и изолированности чеченцев от других народов империи. Здесь в рассматриваемое время сосуществовали несколько укладов: патриархально-натуральное хозяйство, мелкотоварное (в основном крестьянское), а также зарождавшиеся капиталистические отношения. В.И. Ленин при анализе социально-экономического развития России конца XIX – начала XX в. указывал, что «названные системы переплетаются самым разнообразным и причудливым образом»¹.

Материальной основой для сохранения ряда тормозивших прогресс отживших институтов в Чечне и на других национальных окраинах России служило натуральное хозяйство, с присущим ему низким уровнем техники и слабо развитыми производственными отношениями. Эту основу активно разрушал капитализм, вторгшийся в экономические и общественные отношения, в народный быт, нравы и традиции, т.е. капитализм расшатывал старые общественные отношения и различные пережиточные институты. К исследуемому времени

относятся, например, разделы больших неразделенных семей в Чечне и в других районах Кавказа.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. Изд. 5-е. С. 187.

В то же время в Чечне укреплялись товарно-денежные отношения. Проникая в хозяйственный быт чеченцев, они способствовали развитию торговли землей и скотом, концентрации в руках отдельных лиц довольно крупных земельных массивов. В результате нарождался класс кулаков и землевладельцев, а усиливающееся влияние русского капитализма способствовало развитию в Чечне земледелия, скотоводства и ремесел. Примитивные сельскохозяйственные орудия начинали вытесняться более совершенными орудиями массового капиталистического производства. Кроме того, в исследуемый период резко усилилось расслоение чеченской деревни. В результате развития и углубления этого процесса возник и другой социальный слой – неимущее крестьянство, сельский пролетариат. Чечня все более втягивалась в общий процесс развития российского капитализма; в крае в лице перекупщиков, земельных посредников, торговцев и лавочников формировалась национальная буржуазия. Экономическая структура края этого периода соответствовала структуре страны в целом, однако включение Чечни в экономическую систему русского капитализма постепенно подтачивало и разлагало остатки патриархально-феодальных отношений, освобождало простор для интенсивного капиталистического развития края.

Во внутренней и внешней политике Российской империи рассматриваемый период отличался крайней реакционностью позиций во многих вопросах – особенно в отношении колониальных народов и национальных меньшинств. Именно империалистические тенденции вели к усилению этой реакционности, к росту национального гнета. В условиях царской России с ее феодально-крепостническими пережитками все это принимало особенно уродливые формы. С другой стороны, российский капитализм, ориентируя экономику Чечни в необходимом для него направлении, ускорял распад патриархальных отношений среди горцев Чечни.

Все эти тенденции необходимо учитывать для правильного представления о характере тех изменений, которые с особой интенсивностью происходили в сельской общине чеченцев во второй половине XIX – начале XX в., причем не только в силу развития объективных хозяйственных процессов, но и под мощным воздействием надстроечных учреждений царизма – институтов политической административной и судебной властей, а также великодержавной идеологии, отвергавшей принцип равенства народов, входивших в Российскую империю. Отсюда многие изменения в семейной, равно как и в других сферах социальной жизни чеченского общества происходили болезненно, сказывались отрицательно на национальной культуре, традиционных ремеслах и др. К сожалению, эта сторона вопроса наиболее запутана дореволюционными исследователями, пытавшимися завуалировать социальный и национальный гнет, которому подвергался чеченский народ. Изучение социально-экономического положения Чечни исследуемого периода говорит о том, что на сохранение некоторых пережиточных явлений в чеченском обществе, прежде всего, оказывали влияние малоземелье крестьянства и общая отсталость сельского хозяйства края, стимулировавшие сохранение старых начал коллективизма и традиционного общественного устройства – важных качественных характеристик семейной общины и семьи. Одним словом, хозяйственная экономическая сторона жизни была главной причиной бытования больших семей у чеченцев. Немаловажное значение в сохранении пережитков прошлого имело и географическое положение, приведшее к замкнутости чеченцев и к их изоляции от других народов. Оторванность от морских или крупных речных магистралей также препятствовала развитию экономических и культурных связей чеченцев с другими народами, особенно с высокоразвитыми. Наконец, следует отметить, что в рассматриваемый период налоговая система царского правительства (особенно такая форма обложения, как подымная) в какой-то мере являлась фактором, способствовавшим сохранению больших семей.

Кроме того, развивающиеся капиталистические отношения в некоторых случаях давали экономическое превосходство большесемейным коллективам. Отсюда с неизбежностью следует вывод, что не только приверженность стариков к прошлым традициям и обычаям была причиной сохранения большой семьи и семейно-родственных коллективов в чеченском обществе исследуемого периода, но и ряд других факторов.

При исследовании семьи и семейной обрядности у чеченцев возникают известные затруднения ввиду отсутствия в этнографической литературе специальных работ по этим вопросам и недостаточной изученности истории и этнологии чеченского народа в дореволюционной России.

Важное значение при решении ряда поставленных в нашей работе проблем имели произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых содержатся важные и ценные высказывания о закономерностях развития общественно-экономических формаций, о семье и семейной общине и их роли в истории общества, их эволюции и т.п. Так, Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», давая определение большой семье, указывал, что она представляет собой такой коллектив, который «охватывает несколько поколений потомков от одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода»¹. В той же работе Ф. Энгельс отметил и решающую роль экономической стороны в образовании моногамной семьи: «Она (малая семья) была первой семьей, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия – именно победа частной собственности над первоначальной, естественно выросшей общей собственностью»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1948. С. 206.

² Там же.

Важными источниками при написании работы явились архивные материалы, собранные как в центральных, так и местным документохранилищах. В Российском государственном военно-историческом архиве (г. Москва) были использованы фонды 1300, 482, 400, 412, ВУА (Военно-ученый архив). Эти материалы представляют собой собрание наиболее значительных и интересных дел, полученных из фондов департамента Генерального штаба. Так, здесь имеются следующие дела: «Записки о состоянии земель, подчиненных Кавказскому управлению, с картой» (Д. 18507); «Краткое военно-статистическое описание Чечни» (Д. 18507); «Военно-статистическое описание восточного берега Черного моря» (Д. 18514) и др. В Ф. 482 хранятся также переписка, рапорты командующих войсками, описания взаимоотношений России с Кавказом, нравов, обычаев и торговли кавказских народов с XIX в. (Д. 127); «Переписка канцелярии Астраханского военного губернатора со штабом Кизлярской крепости, кабардинскими и чеченскими князьями», а также материалы о переселении местных жителей, о принятии горскими князьями русского подданства и др.

Еще один адрес источников – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Материалы этого собрания документов, интересовавшие исследователя, разбросаны по разным фондам, поэтому дать характеристику каждому из них невозможно. В целом же эти сведения посвящены характеристике отдельных населенных пунктов (сколько дворов в каждом ауле, хуторе, отселке; на чьей земле находится – на общественной или частного владельца; сколько кварталов, мечетей, лавок и т.д.) (Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2378). Многие дела посвящены землеустройству горского населения; в них приводятся сведения о формах поселений, «О сельских обществах (аульных), их общественном управлении и повинностях» (Ф. 573. Оп. 12. Д. 13059); «Дело по вопросу об определении сословных прав горских племен Терской и Кубанской областей» (Ф. 1284. Оп. 60. Д. 106) и многие другие, дающие возможность охарактеризовать аульную общину чеченцев, ее внутренние функции, осветить вопросы землевладения и землепользования и т.п.

В работе использованы материалы бывшего Государственного центрального архива Чечено-Ингушетии (г. Грозный): посемейные списки из двух фондов, причем были изучены аулы, которые не подвергались обследованию другими авторами (Ф. 149, 190). На основании этих списков был выявлен процент существования больших семей отдельно для горных аулов и отдельно для плоскостных селений чеченцев. На их основании был выяснен состав больших семей, число мужчин в больших семьях, их имущественное положение, глава семьи (отец или старший брат), поскольку в списках имелась специальная графа, где отмечалось сословное положение семьи, наличие земли, являлся ли владелец общинником, есть ли у него в наличии земля в частной собственности и др. Вместе с тем списки имели определенные недостатки. Так, в них не указывалось отношение той или иной женщины к другим членам семьи, а только их число, что, по нашему мнению, затрудняет выяснение имущественных отношений внутри семьи. Довольно важен для нас и Ф. 32 «Законопроект наместника Кавказского о землеустройстве горского населения Нагорной полосы, Терской области, Карачая, Кубанской области». Здесь можно почерпнуть сведения о формах землевладения и землепользования, «родовых» землях, уточнить детали власти главы семьи, выяснить вопросы наследования и др. Специальный фонд (Ф. 506) включает ряд работ и статей сотрудников Чечено-Ингушского института истории, языка и литературы за 1930–1943 гг. В нем собраны исследовательские материалы о происхождении чеченцев, чеченских аулов, о землеустройстве, положении сельского хозяйства, составе аульных общин и др.

Материалы Центрального государственного архива Северной Осетии – Алании (г. Владикавказ) включают различные прошения местного населения: рапорты, донесения, переписку с начальником управления и др. Так, здесь имеются «Рапорт члена комиссии (Комиссия по землеустройству Нагорной полосы Терской и Кубанской областей – З.Х.) о земледельческих группах и народонаселении Нагорной полосы» (Ф. 270. Оп. 1. Д. 4); ряд посемейных списков (здесь отмечено отношение женщин к другим членам семьи, т.е. кто она – сестра, жена, мать и т.д.) (Ф. 20. Оп. 1. Д. 754) и др.

Важным источником, использованным при написании работы, можно считать «Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской и Кубанской областей», в которых даются сведения об экономическом положении сельских обществ, их число в крае; из скольких аулов, хуторов и отселков состоит то или иное общество; какое количество земли, скота, овец имеет общество и какое количество приходится на одну душу и т.д. В этих материалах, кроме того, даются сведения о земельных спорах между обществами, о купле-продаже земли, о проявлении права на землю и др.

Не менее важными источниками при написании данной работы стали полевые материалы, собранные автором в течение многих лет (1975–2016 гг.) в разных регионах Чечни и Ингушетии, а также в составе историко-этнографических экспедиций кафедры этнографии исторического факультета МГУ (1975–1978, 1985, 1987 гг.) на территории Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана.

При сборе полевого материала привлекались хорошо осведомленные по интересующим нас вопросам информанты, либо сами помнившие события прошлого, либо рассказывающие о них со слов отцов, дедов, бабушек и др.

Сбор полевого материала о семье и семейной обрядности, формах землевладения и землепользования, о положении женщины в семье и т.п. проводился по вопроснику М.О. Косвена, а также по собственному вопроснику. Информация собиралась как от отдельных рассказчиков, так и во время ра-

боты в группах информантов. По нашему мнению, сбор материала в группе информантов нередко был более продуктивным, так как в этой ситуации они легче воскрешали в памяти те или иные явления и обычаи, касающиеся семьи, семейной общины, обрядов и обычаев, свя-

занных с семьей, патронимией и с другими вопросами из области традиционной этнографии чеченцев. Безусловно, не все полученные сведения имели одинаковую ценность, поскольку разные информанты оказывались в различной степени осведомленными в тех или иных вопросах.

Хочется особо отметить нашего информанта Малику Газиханову, которая сообщила много интересных сведений о родильных обрядах, обычаях наречения имени, запечатленных в ее памяти с детских лет со слов ее бабушки и близких родственников. Кроме того, все эти материалы, по мере возможности, сверялись с архивными и литературными данными.

Автор выражает всем своим информантам искреннюю благодарность за сохранение в памяти и в личной практике многовекового опыта народа.

За интересные сведения о специфике семьи и семейного-бытовой обрядности, воспитании детей, положении женщины, народной медицине и др., а также за помощь в сборе материала выражаю глубокую благодарность ныне покойным А. Сулейманову, И. Саидову, М. Юнусову, а также этнографу С.-М. Хасиеву и др.

Как известно, изучение семьи, семейной обрядности, семейной общины в целом имеет сравнительно давнюю историю, в то же время патронимия как общественная группа была выделена этнографами, в частности М.О. Косвенем, сравнительно недавно¹. Что же касается семейной общины, то она стала предметом исследования исторической науки еще в середине XIX в. Важная роль в ее изучении принадлежит работам М.М. Ковалевского, который вслед за своими предшественниками Ф.И. Леонтовичем, В. Миллером и другими уделял много внимания общественным формам и семейным отношениям у народов Кавказа, в том числе и у чеченцев².

Работы В. Миллера, М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича 1880-х годов были отмечены Ф. Энгельсом. Важное значение кавказского этнографического материала для изучения семьи, семейной общины и других кровнородственных организаций в свое время подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, которые указывали, что у горцев Кавказа М.М. Ковалевский мог еще в конце XIX в. мог наблюдать такую архаическую общественную организацию, как «патриархальная домашняя община». Действительно, именно с именем М.М. Ковалевского связана разработка вопросов семьи и общины у народов

¹ Косвен М.О. Распад родового строя у удмуртов // Ученые записки НИИ народов Советского Востока. М., 1933. Вып. 2. ² Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русский Вестник. 1883. 12; Он же. Современный обычай и древний закон. М., 1886; Он же. Первобытное право. М., 1886; Он же. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890 и др.

Кавказа. Своими исследованиями общины он стремился доказать существование в некоторых окраинных районах Российской империи архаических родоплеменных отношений, иллюстрируя это на материалах по некоторым народам Кавказа. Исследования М.М. Ковалевского способствовали зарождению интереса и внимания к этому предмету со стороны целого ряда ученых, в основном его последователей и учеников, которые затем дали ценные описания отдельных сторон семьи и семейное-бытовой обрядности у различных народов Кавказа: чеченцев и ингушей¹, карачаевцев², грузин³ и др.

Анализируя работы дореволюционных авторов по Кавказу, следует отметить, что они в целом содержат богатый и разнообразный материал этнографического и исторического характера. Но при этом всегда следует учитывать то, кем были авторы этих работ, как они попали на Кавказ и какими были их цели и задачи, какую социальную группу они представляли, поскольку все это накладывало отпечаток на их работы. Отметим, что многие труды дореволюционных авторов были написаны в стиле социально-политического заказа. В частности, многим из исследователей был присущ один довольно общий метод: введение в научный оборот значительного количества материала (особенно статистического) и такие формы его «объективизированной» обработки, которые полностью исключали социальные характеристики, игнорировали классовый подход к явлениям социальной жизни. Поэтому, пользуясь источниками

дореволюционных исследователей, необходимо с определенной осторожностью и критичностью относиться к их выводам и оценкам, продиктованным стремлением оправдать и приукрасить национальную политику царизма на Кавказе. Использование этой литературы требует тщательного анализа источников, которыми пользовался автор, учета оригинальности его труда или же компилятивности информации, используемой в работе и т.д. Тем не менее, при критическом подходе эти исследования дают ценные материалы о семье, семейной обрядности, традициях, землепользовании и землевладении, общественном строе и др.

Работы П.Г. Буткова и С.Б. Броневского написаны на основании материалов, собранных авторами на Кавказе, причем в них также использованы материалы предшествовавших путешественников – И. Гербера, И.А. Гюльденштедта и др. В этих работах имеются интересные сведения о чеченцах, их быте, семье, нравах, обычаях, хозяйственной и общественной жизни, некоторых сторонах религии и др. Вместе с тем их труды не лишены недостатков и требуют к себе критического подхода. Например, С.Б. Броневский, находясь в плену концепции географического детерминизма, восходящей

¹ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1888. Вып. 3. ² Миллер В.В. Из области обычного права карачаевцев // ЭО. М., 1902. Кн. LII–LV. ³ Абазадзе Н.Л. Семейная община у грузин // ЭО. М., 1889. Кн. 3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1–2. Броневский С.Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 1–2.

своими истоками к трудам античных авторов (Гиппократ и др.), выделяет «физические причины», т.е. географические и климатические условия, как повлиявшие на общественный строй и быт различных народов (например, он пишет, что «чем холоднее климат, или чем выше в горах живут люди, тем суровее их нравы, тем более способны и склонны они к войне»).

Находясь по долгу службы на Кавказе, А.Л. Зиссерман¹, М. Ольшевский², К. Самойлов³, Г.К. Властов и др. собрали интересные и в некоторой степени достоверные факты о быте, нравах, семье, обычаях, социальной структуре, хозяйственной жизни, семейных взаимоотношениях, положении женщины в семье и в обществе у горцев. При всех своих недостатках, обусловленных ограниченностью буржуазной историографии, они тем не менее являются ценными источниками, иллюстрирующими характер народа, содержание обычаев и традиций. Одной из первых работ о чеченцах историко-этнографического характера стал труд А.П. Берже. Поскольку автор был официальным военным историком, именно с позиций военного обозревателя и написана его работа, хотя в ней и использовано довольно большое количество разнообразных материалов, и данные непосредственного наблюдения (вопросы хозяйственной и общественной жизни чеченцев; семьи, быта, нравов и обычаев; власти главы семьи и его роли и др.). Как и остальные, этот труд страдает определенной односторонностью, отсутствием объективного анализа некоторых наблюдаемых явлений, стремлением оправдать политику царизма в отношении горцев и т.п. В целом же работа дает необходимые для современного исследователя сведения, но при учете критического их использования.

Обычным правом чеченцев интересовались Ф.И. Леонтович, Н.Ф. Дубровин и др., в работах которых были собраны разнообразные сведения по юридическим обычаям народов Кавказа в целом и чеченцев в частности. Так, в указанном выше труде Н.Н. Харузина приводится материал по обычному праву чеченцев, даются сведения о большой и малой семье, отмечается, что большая семья находится на стадии распада, причем автор стремится объяснить причину этого явления, усматривая ее в разногласиях между женщинами дома. В работе даны также материалы о главе большой семьи «Цен-да» и его роли в семье, о главенстве женщины – «Цен нана» и другие сведения о семейной и хозяйственной жизни чеченцев. Богатый и разнообразный материал представлен в работе Н.Ф. Дубровина, имеющей компилятивный характер. Его шеститомный труд, хотя и освещал многие вопросы с позиций

¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. ² Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 гг. // Русская старина. М., 1893. Т. 79. ³ Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. М., 1855. Кн. 9–10. Властов Г.К. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. М., 1856. 159, 160. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву. Одесса, 1882–1883. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1.

представителя дворянско-буржуазной историографии, представляет большую ценность, поскольку в нем обобщен накопившийся к этому времени огромный этнографический материал.

Труд Н. Семенова¹ представляет чеченцев-ичкеринцев и делает попытку исследовать важные вопросы их происхождения. Автор анализирует названия многих населенных пунктов, однако из-за незнания языка и отсутствия хорошего переводчика он зачастую дает неправильные переводы и строит на них неверные выводы. Тем не менее, его работа ценна сведениями непосредственного наблюдателя над жизнью и бытом чеченцев.

Одним из первых историков-этнографов был У. Лаудаев, выходец из числа коренного населения Чечни². Им была написана работа, где исследовались богатые исторические, фольклорные, а также лингвистические материалы, целью которых было осветить прошлое и настоящее чеченского народа. Естественно, что он имел большие преимущества перед современниками в знании языка и обычаев своего народа, хотя его познания в этнографии чеченцев были довольно ограниченны. Труд его ценен тем, что в нем нашли отражение разнообразные стороны семейной и хозяйственной жизни чеченцев, их нравы и обычаи. В начале XX в. написал свою работу о чеченцах Н.С. Иваненков³, являвшийся членом комиссии по исследованию землевладения и землепользования у народов Северного Кавказа и хорошо знакомый с различными вопросами хозяйственной и общественной жизни чеченцев. Работа содержит достоверный фактический материал.

Опираясь на основные фактические материалы, историки и этнографы творчески использовали их важные в методическом отношении выводы и обобщения, создав ряд замечательных фундаментальных работ в области кавказоведения – по семье, семейной обрядности и семейному быту, патронимии и т.д.

Несмотря на множество дореволюционных исследований, в теоретическом отношении семейная община оставалась еще долгое время недостаточно изученной, поскольку в дореволюционной литературе отсутствовал исторический подход к ее изучению, и она рассматривалась как новая социальная единица, остававшаяся неизменной на всем протяжении своего существования. Точка зрения на большую семью, как на временное, историческое явление, обладающее «собственной внутренней историей, изучение которой является основным средством ее познания», одним из первых была высказана М.О. Косвеню, в работах которого содержится общая характеристика семейной общины на различных этапах исторического развития.

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. ² Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. ³ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: Культурно-экономическое исследование чеченского района Нагорной полосы Терской области // ТС. Владикавказ, 1910. Вып. VII. Косвен М.О. Семейная община (опыт исторической характеристики) // СЭ. 1948. 3; Он же. Семейная община (к истории вопроса) // Известия АН СССР. Серия историческая. М., 1946.

Современные исследователи семейной общины, в том числе и опираясь на работы М.О. Косвеню, изучают ее в тесной и непрерывной связи с конкретными историческими условиями и раскрывают ее социальную сущность. Ученые-этнологи, особенно кавказоведы, внесли значительный вклад в область изучения семейной общины, семейной обрядности, восполнив пробел в этой отрасли историко-этнографической науки. В этом отношении можно назвать работу

Р.Л. Харадзе¹. Ее фундаментальное исследование основывается на богатом этнографическом материале; в нем дан анализ особенностей развития этнографических групп грузин; изучены вопросы, характеризующие состав семьи, ее хозяйственную основу, систему управления и др. Вопросам большой семьи и патронимии посвящены работы З.Д. Гаглоевой², Э.Т. Карапетян³, А.И. Мусукаева. В этих работах как важный источник использованы полевые материалы и проанализированы особенности большой семьи у различных народов Кавказа, раскрыты причины сохранения и исчезновения больших семей и т.д. Следует назвать работы и других этнологов-кавказоведов, внесших свой вклад в область изучения семейной общины, патронимии и семейной обрядности. Например, многое в этой области сделали Е.Н. Студенецкая, М.М. Ихиллов, Р.М. Магомедов, С.Ш. Гаджиева, Р.Л. Харадзе, Р.Х. Керейтов¹, Ю.Ю. Карпов¹¹, И.М. Шаманов¹² и др.

Перечисленные нами работы помогли лучше и глубже понять и изучить те или иные вопросы рассматриваемой темы, а также имели важное значение в плане поиска аналогий в сравнительном материале при выявлении общих и особенных черт семьи и семейной обрядности.

Т. 3; Он же. Этнография и история Кавказа (исследования и материалы). М., 1961; Он же. Семейная община и патронимия. М., 1963. ¹ Харадзе Р.Л. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960–1961. Т. 1–2. ² Гаглоева З.Д. Очерки по этнографии Осетии: Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974. ³ Карапетян Э.Т. Армянская семейная община. Ереван, 1958; Она же. Родственная группа азг у армян (вторая половина XIX – начало XX в.). Ереван, 1966. Мусукаев А.И. Из прошлого забытого. Нальчик, 1975. Студенецкая Е.Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в. // СЭ. 1950. 2; Она же. Быт и культура кабардинского народа в XVIII–XIX вв. // Сборник материалов по истории Кабарды. М., 1954. Ихиллов М.М. Большая семья и патронимия у горских евреев // СЭ. 1950. 1. Магомедов Р.М. К вопросу о семейной общине в Дагестане // Труды научной сессии Дагестанского НИИ АН СССР. Махачкала, 1949. Гаджиева С.Ш. К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков // КСИЭ. М., 1952. Вып. XIV; Она же. Каякентские кумыки в XIX–XX вв. // КЭС. М., 1958; Вып. 2; Она же. О семейных отношениях у кумыков в XIX в. // Ученые записки института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. XIV; Она же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. Харадзе Р.Л. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960–1961. Т. 1–2. ¹ Керейтов Р.Х. Общественные и семейные отношения // Ногайцы. Черкесск, 1988. ¹¹ Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. ¹² Шаманов И.М. Семья и семейный быт // Карачаевцы. Черкесск, 1978.

Так как темой нашего исследования является семья и семейная обрядность у чеченцев, следует остановиться и на вопросе изучения данной проблемы российскими кинологами-кавказоведами. В этом отношении обращает на себя внимание «Кавказский этнографический сборник», изданный грузинскими учеными. Так, один из выпусков названного сборника целиком посвящен этнографии ингушей¹, а чеченцы рассматриваются в сравнительном плане. В различных статьях сборника на основе полевого материала исследуются вопросы сословных отношений у горных ингушей, многие важные стороны семейной и сельской общины и др. Изучению семьи и семейного быта вайнахов уделяется значительное внимание в диссертации В.Д. Итонишвили², где автор на основании полевого материала показывает основные черты семейного быта чеченцев, ингушей и других народов Кавказа. Вопросы общественного быта, адатов, обычаев, обычаев землевладения и землепользования исследовались И.М. Саидовым³, А.И. Хасбулатовым.

М.А. Мамакаев посвятил свою работу изучению чеченского тайпа; на основе фольклорных, археологических, литературных и архивных источников он делает попытку глубоко и всесторонне исследовать особенности этого института и его структуру. В работе показываются отношения внутри самого тайпа, противоречия между различными тайпами, выявляются

специфические особенности его как социального организма, а также отмечаются негативные стороны тайповых отношений, сохранившиеся до настоящего времени. Вопрос о патронимических поселениях горных чеченцев в эпоху позднего Средневековья, в связи с социально-экономическим развитием Горной Чечни, рассматривается С.Ц. Умаровым. Анализируя проблему семьи и патронимии, автор пишет: «У вайнахов вместо семейной общины получили развитие патронимия и малая семья», при этом он объясняет причину выделения малой семьи необходимостью дробления труда и развития террасного земледелия. По нашему мнению, напротив, трудные условия террасного и малоземельного землепользования скорее требовали усилий большого рабочего коллектива, а не малой семьи с одним или двумя работоспособными членами.

¹ Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Вып. 2. ² Итонишвили В.Д. Семейный быт горцев Центрального Кавказа. Тбилиси, 1968. ³ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв. // ИЧНИИИЯЛ. Вып. IV. Грозный, 1964; Он же. Этнографические заметки (досоветский период) // ИЧНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Вып. 1. Т. V. Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (XIX–XX вв.). М., 1994. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973. Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья // АЭС. Грозный, 1969. Т. 3. С. 168.

При работе над темой автор использовал и материалы многих историков-кавказоведов, таких как Н.П. Гриценко¹, Н.А. Смирнов², Е.Н. Кушева³, Н.Г. Волкова, Т.А. Исаева, С.-А.А. Исаев, М.А. Агларов, материалы различных конференций, в частности, региональной научной конференции «Сельская община Дагестана и Северного Кавказа» (Махачкала, 2003) и др. В работах этих авторов и указанных материалах исследованы многие сферы социально-экономической жизни народов Северного Кавказа (в том числе и чеченцев), показаны экономические связи населения края с Россией и т.д.

Различным аспектам семьи и семейно-бытовой обрядности посвящены также специальные монографии и статьи северокавказских и чеченских ученых-исследователей.

¹ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой четверти XIX в. Грозный, 1965; Он же. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // Материалы научной серии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964; Он же. Истоки дружбы Чечено-Ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1962 и др. ² Смирнов Н.А. Политика царской России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. ³ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. Волкова Н.Е. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. М., 1974. Исаева Т.А., Исаев С.-А.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XVII – начало XX в.). Грозный, 1982. Агларов М.А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. Махачкала, 1998. Сельская община Дагестана и Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2003. Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991; Она же. К вопросу о браках и формах их заключения у ингушей в конце XIX – начале XX века // Известия Чечено-Ингушского республиканского музея. Грозный, 1975. Вып. XI; Дзарахова З.М.-Т. Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов-на-Дону, 2010; Кудусова-Долакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX – начало XX в.). Ростов-на-Дону, 2005; Меликишвили Л.Ш. Структура чеченского свадебного обряда и его место в комплексе свадебных обрядов Центрального Кавказа // Очерки этнографии горной Чечни. Тбилиси, 1986; Акиева П.Х. Рождение, свадьба, смерть: Историко-этнографические архетипы ингушей. СПб., 2014; Ярлыккой М.М. Традиционная культура ингушей: История и современность. Ростов-на-

Дону, 2004; Салахиева М. Пословицы о женщине: На чеченском, русском и немецком языках. Ростов-на-Дону, 2015; Рамазанов К.-Х. Исламская этика. Элиста, 2008; Чеченцы / Сост. С.-Х.М. Нунуев. М., 2008; Нанаева Б.Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. Ростов-на-Дону, 2009; Она же. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М.; Ростов-на-Дону, 2012; Чеченцы. М., 2012 (Серия «Народы и культуры»); Сайдумов Д.Х. Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.). Грозный, 2014 и др.

ГЛАВА I. ЧЕЧНЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Краткие сведения о социально-экономическом развитии Чечни

Чеченцы – самый многочисленный народ Северного Кавказа. Самоназвание чеченцев – «нохчий», «нохчо» – происходит от слова «нах» – люди.

Язык чеченцев относится к нахско-дагестанской группе кавказской (иберийско-кавказской) семьи языков, в которую входят ингушский и баббийский языки. Данные современной истории, антропологии, археологии, языкознания и этнографии свидетельствуют о местном происхождении чеченцев и о принадлежности их далеким предков к коренным народам Северного Кавказа, к так называемому кавкасионскому антропологическому типу. Их культура была близка к культуре других народов Кавказа, говорящих на языках, относящихся к кавказской языковой семье.

В орбиту научных интересов древних авторов чеченцы попали с периода античности. Так, при анализе «Истории» Геродота (V в. до н.э.) становится очевидным, что среди горцев, участвовавших в скифских походах через Кавказ в Малую Азию, были и нахские отряды – отмечает историк-кавказовед Е.И. Крупнов¹. Археолог М.Х. Багаев отметил, что «наиболее убедительные свидетельства о нахских племенах, живших на Северном Кавказе две тысячи лет назад, мы находим у Страбона (64 г. до н.э. – 21 г. н.э.) в его «Географии». Например, перечисляя племена Северного Кавказа, Страбон констатирует: «Спускаясь с предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты (пещерники), живущие вследствие холодов в пещерах. За троглодитами следуют какие-то народы, называемые хамекитами-многоедами, и селения исадики. За ними следуют кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы и панксы, а затем уже племена сираков и аорсов». М.Х. Багаев продолжает: «Названные Страбоном племена (троглодиты, пещерники, хамекиты, исадики, набианы, панксы, аорсы) известным кавказоведом Е.И. Крупновым локализованы в предгорьях страны вайнахов»².

¹ Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 148–149. ² Багаев М.Х. Ранние этапы этнической истории // Чеченцы. М., 2012. С. 49.

Профессор И.Ю. Алироев писал, что чеченцы, ингуши и баббийцы родственны другим народам Кавказа, имеют много общего. Первые сведения о предках этих народов встречаются в древних греческих, армянских, грузинских источниках и русских летописях. В исторических документах они упоминаются под разными названиями: например, под этнонимами мичкизы, буртели, нахчаматьяне, шабутяне, кистинцы понимались чеченцы. «Первое упоминание этнонима «нахчаматеанк», сохранилось в труде армянского автора VII в. Анании Ширакаци «Ашхарацуйц» («География»)), – пишет Р.А. Габриелян. – Его произведение представляет собой объемный труд, в котором широко использованы работы Птолемея, Паппа Александрийского и географические сочинения других авторов, а также мемуары других путешественников»².

В «Армянской географии» (VII в. н.э.) перечисляются названия 53 кавказских народов. Среди них встречаются «нахчаматьяны», т.е. «чеченцы» (нахчи мотт – чеченский язык)³; племена чеченского происхождения фигурируют под названием «северян», которые активно участвуют в политических событиях на протяжении многих веков в истории народов Закавказья. В «Географии» Страбона упоминается древний этноним «гаргареи», этимология которого прослеживается от нахского «гергара» – родной, близкий, родственник.

Принято считать, что в основу современного русского названия чеченцев легло название селения Большой Чечен, находящегося в равнинной части на р. Аргун.

Чеченцы, будучи одним из древнейших народов на Кавказе с его уникальной материальной и духовной культурой, постоянно находились в кругу взаимовлияния и взаимодействия с другими этносами кавказской цивилизации. Чеченцы, как и многие другие представители горских народов Северного Кавказа, имеют некоторые специфические этнические особенности, характерные для семейного и общественного быта народов данного региона.

Известный кавказовед Н.Г. Волкова отмечает, что территория Чечни, по свидетельству источников 30-х годов XIX в., достигала 10 тыс. кв. верст и находилась между Терским, землей ауховцев, Андийским хребтом, частью Главного Кавказского хребта, и отрогами гор, составляющими границу Осетии и Кабарды. Интересные сведения о поселениях чеченцев приводит Д.А.

¹ Габриелян Р.А. Армянские источники о Чечне и чеченцах // Чеченская республика и чеченцы: История и современность. М., 2006. С. 168–169. ² Там же. ³ Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994. С. 7. Габриелян Р.А. Указ. соч. С. 168–169. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся». М., 1979. С. 56–57. Там же. С. 57. Волкова Н.Г. Народы Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 187–188.

Милютин: «Ныне на всем пространстве более 2-х тыс. кв. верст (не считая надтеречных аулов) находится всего три аула: Старый Юрт, Гунюшки»¹. В источниках того времени отмечалось, что «все горские племена до начала текущего столетия (до начала XIX в. – З.Х.) составляли более самостоятельные народы и общины, что ни одно из этих племен не обладает письменностью своего народа, языка и, следовательно, не имеет никаких письменных документов, касающихся прошлой жизни, что народные учреждения и обычаи во всей их чистоте хранились старейшинами и передавались из поколения в поколение и, наконец, что сословное подразделение племен, лежащее в основании внутреннего их устройства, составляет столь прочное учреждение, что всякому туземцу известно, кто из его племени принадлежит к какому сословию»².

Горная Чечня была вовлечена в сферу экономического развития страны в меньшей степени, чему способствовала и топографическая особенность. В архивных документах мы читаем: «Отрезанный от Закавказья горными цепями, увенчанными покровом вечных снегов, Северный Кавказ (в том числе и Чечня) в топографическом отношении представляет область совершенно обособленную... непроходимость горных теснин препятствует населению поддерживать экономическую связь... нет сносных путей сообщения, особенно в Нагорной полосе, где население вынуждено пользоваться исключительно выючными тропами... Результатом такого положения дел является прогрессирующий упадок экономического благосостояния населения и его низкий культурный уровень»³.

Все это способствовало сохранению в общественных и семейных отношениях и в быту чеченцев многочисленных пережитков.

Говоря об общественном строе чеченцев рассматриваемого периода, следует отметить, что «все мелкие общества – тайпы чеченские, говорящие хотя почти одним языком и имеющие общие обычаи, потому только и сохраняют до наших дней свое родовое деление, что они различного происхождения; так, есть фамилии из Грузии, Хевсуретии и далее есть некоторые греческого и европейского происхождения», – отмечалось в одном отчете Терско-Кубанской сословной комиссии. После окончания Кавказской войны в 60-е годы XIX в. Северный Кавказ (в том числе и Чечня) окончательно вошел в состав Российской империи. В это время, по словам В.И. Ленина, «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. Нет ни одной отрасли народного хозяйства, под-

¹ Милютин Д.А. Материалы по истории Кавказа. Заметки о племенах кавказских. Чеченцы // НИОР РГБ. Ф. 169. Д. 81. Л. 1. ² РГИА СПб. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 112. Л. 2. ³ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 об. РГИА СПб. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 112. Л. 68.

чиненной капиталистическому производству, в которой не наблюдалось бы столь же полного преобразования техники»¹.

«Позитивное значение для экономического и социального развития Чечни по окончании Кавказской войны имело проведение в 60–70-е годы XIX в. территориальных, административно-судебных, аграрных и других реформ. Необходимость их проведения диктовалась, главным образом, интересами приспособления края к нуждам развивающихся товарно-денежных отношений в России. Потребность внешнего рынка для капитализма объясняется вовсе не невозможностью реализовать продукт на внутреннем рынке, а тем обстоятельством, что капитализм не в состоянии повторять одни и те же процессы производства в прежних размерах, при неизменных условиях (как это было при докапиталистических режимах). Следует отметить, что одной из предпосылок внутреннего характера, толкавших царизм к проведению социальных и административных преобразований в Чечне, как и в целом на Северном Кавказе, являлась боязнь активизации антиколониальной и социальной борьбы народных масс»², – писал А.И. Хасбулатов.

Развитие капитализма в России во второй половине XIX в., особенно после отмены крепостного права, происходило не только вглубь, но и вширь. «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России».

Это свойство капитализма оказывало всестороннее воздействие и на Чечню, в которой происходили глубокие социально-экономические изменения: разлагалась традиционная структура общества с его патриархальными устоями, формировались буржуазные общественные отношения, активно шел процесс обнищания и разорения крестьянских хозяйств, особенно в равнинной Чечне.

Строительство в 1870–1890-е годы Владикавказской железной дороги способствовало ускорению процессов развития капиталистических отношений на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне. Ряды сельскохозяйственных рабочих и промышленного пролетариата пополняли вчерашние крестьяне. Но, тем не менее, развитие капиталистических отношений в Чечне почти до начала Октябрьской революции носило незавершенный характер, объясняется многими внутренними и внешними факторами. Разобщение территории, изоляция горских обществ от внешнего мира (особенно в зимнее время) усиливало их замкнутый характер. Отсутствие благоустроен-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597–598. ² Хасбулатов А.И. Установление Российской администрации в Чечне (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2011. С. 6.

ных дорог как в самой Чечне, так и в других районах Северного Кавказа, патриархально-родовые пережитки, особенно в горных районах, в определенной степени мешали развитию капиталистических отношений. Все это, кроме того, усугублялось также и колониальной политикой царизма на Северном Кавказе.

В 60-е годы XIX в. Чечня в административном отношении делилась на Чеченский, Аргунский, Ичкеринский и Нагорный округа, затем в 1870-е годы, в результате новых административных преобразований, Чеченский округ был переименован в Грозненский, из Аргунского и Ичкеринского – создан новый Аргунский, а чеченцы, проживавшие в Нагорном округе, вошли в состав Хасав-Юртовского. В процессе дальнейшего развития производительных сил в крае происходило значительное увеличение численности местного населения, о чем свидетельствуют статистические данные таблицы 1.

Таблица 1 Динамика изменения численности населения:

Годы Численность 1842 180 000 1867 119 500 1889 188 993

Анализ этнографического и архивного материала, а также литературных источников приводят к выводу, что ведущими отраслями хозяйства Чечни в XIX – начале XX в. были земледелие (в равнинных районах) и скотоводство (в горных районах)², причем земледелие в крае являлось традиционной отраслью хозяйства.

Анализ этнографического и архивного материала, а также литературных источников приводят к выводу, что ведущими отраслями хозяйства Чечни в XIX – начале XX в. были земледелие (в равнинных районах) и скотоводство (в горных районах)³, причем земледелие в крае являлось традиционной отраслью хозяйства.

Традиционными земледельческими культурами чеченцев были ячмень – «мукх», пшеница – «кIа», просо – «борц», овес – «кена», рожь – «Iаържа кIа» или «сос», лен – «вета», фасоль – «кхошь» и др. Позже стали выращивать кукурузу – «хьаьжкIаш», арбузы – «хорбузаш». Кукуруза разных сортов

¹ РГИА СПб. Ф. 932. Оп. 1. Д. 42; Статистическая таблица населенных мест Терской области. Ч. 2. Вып. 7. Грозненский округ. Владикавказ, 1891. С. 96–97; Кумыков Т.Х. Вхождение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С. 16. ² РГИА СПб. Ф. 573. Оп. 25. Д. 1219. Л. 1 об., 3. ³ РГИА СПб. Ф. 573. Оп. 25. Д. 1219. Л. 1 об., 3.

в предгорно-равнинной полосе во второй половине XIX в. стала предпочтительной культурой, и ее высокие урожаи сделали Чечню житницей всего Северо-Восточного Кавказа. Достаточно развиты были садоводство и огородничество. Чеченцы выращивали яблоки, груши, сливы; из овощей – лук, чеснок, тыкву и др.

Хозяйственная деятельность чеченской семьи, особенно в нагорной полосе, в значительной степени была связана со скотоводством: уход за скотом, заготовка мясомолочных продуктов, их хранение и т.д. Альпийские луга и сенокосы являлись сырьевой базой скотоводства. Разводили чеченцы как крупный рогатый, так и мелкий рогатый скот. Овцеводство в Чечне было развито повсеместно: овцы были неприхотливы, паслись на крутых склонах гор. Летом скот находился на высокогорных альпийских лугах.

Земельно-правовые вопросы были очень важными для всех народов, для любого государства и тем более для горских народов Северного Кавказа, где проблема малоземелья в обозримом прошлом всегда была насущной. «На территории региона к началу XIX в. существовали следующие основные виды земельной собственности: джамаатская (общинная), тухумная (родовая), феодальная (ханско-бекская), вакуфная (мечетская) и казенная (российско-государственная), последняя находилась в стадии становления и постоянно расширялась»¹, – писал историк-кавказовед А.И. Хасбулатов.

В 1867 г., при проведении земельной реформы в плоскостной Чечне, была установлена норма надела на крестьянское хозяйство в 16,3/4 дес. Но она в действительности не соблюдалась². Так, плоскостная часть Большой и Малой Чечни с прилегающими лесами составляла площадь в 271 086 1/2 дес., из которых Терскому казачьему войску было отведено 1560 дес. леса, пожаловано в частную собственность отдельным лицам 8645 дес., отдано городам и слободам 8266 дес., а 43 чеченским аулам наделено 234 970 1/2 дес., кроме того, во владении лесного ведомства состояло 16 965 дес. Таким образом, как отмечали многие дореволюционные авторы, свободных земель в Чечне не оставалось, и жалобы чеченцев на малоземелье были совершенно основательны³.

В чеченских аулах Грозненского округа уже в конце XIX в. на мужскую душу приходилось земли на плоскости по 4,11 дес. (терские казаки имели по 31,3 дес., кабардинцы – 8,37 дес. земли на мужскую душу). Особенно мизерны были пахотные участки у чеченских крестьян в Нагорной полосе. Так в начале XX в., в 23 сельских обществах пахотной земли в среднем приходилось от 0,1 до 0,4 дес.; в 16 обществах – по 0,5 дес.; в 39 обществах – от 0,5

¹ Хасбулатов А.И. Указ. соч. С. 114. ² РГВИА. Ф. 400. Оп. 7. Д. 38. Л. 38. ³ Максимов Е. Чеченцы. Статистико-экономический очерк // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 57. Там же. С. 55.

дес. до 0,9 дес.; в 43 обществах – от 0,1 до 1,9 дес. И только в 7 обществах – от 2 до 4 дес. на мужскую душу¹. Чтобы содержать свои семьи, чеченские крестьяне вынуждены были арендовать земли в казачьих станицах, у частных собственников и т.д. Так, в 1890 г. казаки Сунженского отдела сдали в аренду 399 907 дес. земли². По мере того, как богатые казаки и крестьяне степной и предгорной полосы все широкое пользовались наемным трудом, массы бедняков-горцев вынуждены были наниматься в батраки к тем же землевладельцам, а также уходить на заработки в города.

О.В. Маргграф, исследователь экономического быта кавказских горцев, в 1881 г. писал, что в горной Чечне «пахотные и сенокосные угодья переходят постепенно в небольшое число рук», что свидетельствовало о мобилизации земельной собственности и укреплении экономической базы зажиточной верхушки горского крестьянства. Автор также отмечал, что «в горных чеченских аулах с каждым годом увеличивается число дымов бедных безземельных», абсолютно «безземельных, но без пахотной и сенокосной земли..., что на 5 семей 4 приходится совершенно бедных»³. Сельская зажиточная верхушка, пользуясь своим имущественным положением, добивалась исключительного положения в общине и эксплуатировала массу рядовых крестьян, используя многие традиционные общинные институты, особенно выгоден был при этом для сельских богатеев древний обычай коллективной взаимопомощи – «белхи» (от чеч. «болх» – работа), к которому прибегали часто во время посева, уборки урожая, строительства домов и т.д.

В Чечне, как и на всем Северном Кавказе, в большинстве случаев использовалась малопродуктивная сельскохозяйственная техника. Земледельческие орудия были разных видов и типов. Орудия полеводства: пахотные орудия «гота» – плуг; «нох» – полозное пахотное орудие; бороны, которые подразделялись на разные типы: волокуша – «мекха», бороны с поперечной доской – «у полу мекха», рамная бороны – «кломсара мекха»; орудия ухода за посевами: мотыга – «метиг», «гам» – орудие по уходу за посевами; орудия жатвы: «марс» – серп, «мангал марс» – обломок косы, приспособленный к нуждам жатвы. Одним из древнейших орудий молотбы была молотильная доска – «балба», в горах ее называли «эрдан неI»; орудием молотбы служил «кхар» – каменный каток, имевший шесть или восемь граней; были разные виды орудий подсеки: «хьона», «шалго бел», «злок-берг» – кирка и др. В горных районах в землепашестве использовалась обыкновенная соха. Первые сельскохозяйственные машины появились в зажиточных хозяйствах плоскостной Чечни только в 70-е годы XIX в., хотя в целом и они не получили широкого распространения, о чем говорят данные таблицы 2.

¹ Гассиев А. Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ, 1909. С. 41. ² Вертепов Г. Ингуши: Историко-статистический очерк // ТС. 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 116. ³ Маргграф О.В. Чеченские селения // ТВ. Владикавказ, 1881. 21 нояб. 47.

Таблица 2

Применение сельскохозяйственных машин горскими народами Терской области¹

Округа Терской обл. Паровых молотилок Конных молотилок Жатвенных машин Веялок Усовершенствованных плугов Владикавказский 1332030113 Грозненский–131210 Нальчикский 3332–Итого 4492434124

В хозяйствах чеченцев по мере проникновения капитализма в сельское хозяйство постепенно стала появляться машинная техника. Так, в 1886 г. молотилки имели Эльдаров и гитаев из с. Мундар-юрт, К. Бугаев из с. Ногай-Мирза-юрт и др.²

Включение Чечни в хозяйственную жизнь дореволюционной России открывало широкий доступ чеченскому хлебу на рынки центральной России, а также на мировой рынок. В.И. Ленин писал об этих процессах: «Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет»³. В сельском хозяйстве Северного Кавказа вообще, и в Чечне в частности в последней четверти XIX в. в земледелии также наблюдалась определенная специализация: в Грозненском округе и Сунженском отделе собирали богатые урожаи кукурузы, пшеницы и подсолнечника, а к концу XIX в. в зерновом хозяйстве Чечни одно из существенных мест начинает занимать кукуруза. Так, если за 5 лет (1888–1893 гг.) в Грозненском округе общие посевы зерна выросли на 21%, то посевы кукурузы – на 39% (см. табл. 3).

¹ Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900). Грозный, 1968. С. 99–100. ² ЦГА ЧР. Ф. 149. Д. 7. Л. 1–50; Д. 8. Л. 1–56. ³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 17, 121. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 102.

Таблица 3

Посевы и сбор по Грозненскому округу за 1888–1893 гг. (в четвертях)¹

Виды хлебов	Посев	Сбор	Урожай/в самах
Кукуруза	11 944 222	68 218,6	Пшеница
13 848 49	56 33,6	Просо	17 261 3
0 617,6	Ячмень	26 781 2	80 84,8
Овес	12 095 784 4,5	Всего	31 587 304
57 839,1			

Увеличение посевов кукурузы объяснялось тем, что эта культура была наиболее товарной из всех зерновых культур. Чеченцы «стали много засевать кукурузы, пользуясь сильной производительностью этого сорта хлеба, и сбывать ее непосредственно потребителям в соседний Дагестан и на винокуренные заводы: Владикавказский и Щедринский, а в последнее время и Ростов»².

А.В. Фадеев указывал, что увеличение количества собираемого хлеба (за вычетом семян), по расчету его на душу населения, служит показателем роста товарности земледелия. В этом отношении по Грозненскому округу А.В. Фадеев приводит следующие цифры (см. табл. 4).

Таблица 4

Рост валового сбора хлеба за 1891–1898 гг. по Грозненскому округу³

Годы	Население	Валовой сбор хлеба (в четвертях)	Посев (в четвертях)	Чистый (в четвертях)
1891	118 154 635 9	11 356	15 032	29 618 982 09
1892	120 943 049	14 237	85 945	328

¹ Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ИЧНИИИЯЛ. Грозный, 1960. Т. 2. Вып. 1. С. 8. Четверть, четвертина — русская единица измерения объема сыпучих тел (1 четверть = 2 осьминам = 8 четверикам = 64 гарнцам¹ = 209,91 л) и жидкостей (1 четверть = ¼ ведра). «Сам» — единица измерения урожайности, показывающая соотношение посеянного и собранного зерна. ² Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. ³ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 9.

Приведенные данные показывают, что в Грозненском округе на душу населения приходилось чистого посева 0,19, а чистого сбора – 1,79 в 1891 г.; в 1868 г. валового сбора на душу населения приходилось 2,54; посева – 0,18 и чистого сбора – 2,16. На этом основании А.В. Фадеев приходит к вполне обоснованному заключению, что «рост производства зерна и вывоза его за пределы Чечни отнюдь не является признаком повышения уровня материального благосостояния местного населения, а, наоборот, он происходил за счет понижения потребления хлебопродуктов трудящимися»¹. Несмотря на то, что Чечня являлась «хлебным оазисом» и «житницей» Северо-Восточного Кавказа², как ее тогда называли, большая часть чеченских крестьян (как плоскостных, так и горных) влачила жалкое существование. Развитие товарного земледелия в крае усиливало разложение крестьянства, причем зажиточные слои горской деревни, сосредотачивая в своих руках земли разорившихся крестьян и перестраивая

свои хозяйства в интересах хлебного рынка, постепенно превращались в поставщиков зерна и кукурузы.

Заинтересованность формирующихся кулацких хозяйств Чечни в увеличении масштабов производства товарного хлеба была очевидной, поскольку это давало высокую норму прибыли. Регулятором производства товарного хлеба становился рынок, который хлеб превращал в деньги.

В ходе развития капиталистических отношений в Чечне формируется основа для появления узкой прослойки национальной буржуазии. Уже в 1880–1890-е годы почти в каждом горском ауле и казачьей станице было 1–2 лавки, торговавшие мануфактурой, бакалеей и галантереей.

Так, в конце XIX в. (1897 г.) в с. Валерик было 5 мануфактурных лавок, в с. Кулары – 2, в с. Герменчук – 11 мелочных и одна мануфактурная, в с. Дуба-Юрт – 5 лавок (из них 3 мануфактурных и 2 бакалейных), в с. Старый Юрт – 9 лавок³. Часто такого рода мелкие торговые предприятия принадлежали разбогатевшим горским крестьянам или казакам.

Например, большая семья Ш. Шамсадова из с. Старые Атаги занималась торговлей. По сообщению нашего информанта Бицаци Шамсадовой (95 лет), они имели лавку, где в основном продавались ткани.

К числу богатых торговцев принадлежали братья Мациевы из с. Гехи (их недвижимое имущество оценивалось в 500 тыс. руб.), которые в 1884 г. открыли торговую фирму в Грозном, ведущую коммерческие дела даже с хорошо известным в то время Русско-Азиатским банком. Братьев Мациевых чиновники банка характеризовали как «аккуратных плательщиков и осторожных, знающих свое дело коммерсантов».

¹ Там же. ² Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. С. 271. ³ РГИА СПб. Ф. 1290. Оп. 11. Л. 2378. С. 5, 53, 55, 503. ПМА. Информант Бицаци Шамсадова, 90 лет, 1984 г.

Следует отметить, что весьма богатым человеком был и другой коммерсант – выходец из Урус-Мартана Ахмат Арсмизоев, занимавшийся оптовой и розничной торговлей, мануфактурой и бакалеей. Выходцу из с. Старая Сунжа Кысуму Баширову принадлежали мельница, просорушка, керосиновый склад и т.д., общей стоимостью до 200 тыс. руб.¹ Вплоть до военных событий 1994–2001 гг. в центре г. Грозного были магазины, которые в народе именовались «Башировскими».

Важнейшей отраслью сельского хозяйства, кроме земледелия, являлось скотоводство, сохранявшее экстенсивный характер и низкую товарную продуктивность, несмотря на общее увеличение поголовья скота, которое возрастало из года в год. Так, в Грозненском округе с 1881 по 1889 г. возросло число голов: лошадей с 16 913 до 19 597, крупного рогатого скота – с 176 314 до 293 494². Но, несмотря на это, в Грозненском округе встречалось немало хозяйств, в которых имелся всего лишь один вол, поэтому при обработке полей крестьяне вынуждены были «спрягаться» – объединять рабочий скот, орудия труда нескольких хозяйств и т.д. Вместе с тем данные посемейных списков говорят о том, что в Чечне было и немало зажиточных хозяйств, где количество скота исчислялось десятками и сотнями голов.

Широкое развитие в крае получило овцеводство. Под влиянием товарно-денежных отношений в Чечне в последней четверти XIX в. быстро стало расти как количество, так и качество овец. В хозяйствах зажиточных горцев стали появляться тонкорунные мериносы и другие ценные породы.

Следует отметить и то, что горское крестьянство Чечни в исследуемое время занималось пчеловодством, известным в Чечне с древнейших времен. Но в XIX в., и особенно во второй его половине вследствие вырубки лесов на плоскости этот промысел постепенно пришел в упадок, хотя и продолжал сохраняться в горах. Подсобное значение в хозяйстве чеченцев занимала и охота, особенно в горных районах с их густыми лесами, богатыми зверьем.

Несмотря на проникновение на Северный Кавказ промышленных товаров из России, в домашнем быту чеченцев вплоть до начала XX в. продолжали употребляться предметы местного производства. Это объяснялось тем, что хозяйство горцев еще в значительной степени сохраняло свой полунатуральный характер, а многие традиционные изделия местного ремесленного производства вообще не вырабатывались на русских фабриках: паласы, кошмы, бурки, башлыки. Например, в районе Ачхоя изготавливались ковры, пользовавшиеся большим спросом у населения. Большая популярность была и у так называемого «чеченского сукна», из которого шились черкески, башлыки, бурки и др. Оно производилось в Грозненском, Веденском,

¹ Колосов А.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху капитализма // ИЧНИИИЯЛ. Грозный, 1960. Т. IV. Вып. I. С. 40. ² Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ, 1891. Ч. 2. Вып. 7: Грозненский округ. С. 106–107.

Хасав-Юртовском, Аргунском округах, причем до 2000 кусков в год на общую сумму 8000 руб.¹ В архивных материалах относительно чеченцев указывалось: «Из шерсти овец они выделывают на домашний обиход довольно изрядные сукна, остальная шерсть обращена на изготовления бурок, которые продаются в небольшом числе андийцам и другим народам, которые близки отношениями своими, или в Грузию»². Стремление производить «товары» для рынка было характерно не только для зажиточных, но и для середняцких и бедняцких хозяйств. Однако, если кулаки сбывали товары для наживы, то бедняки продавали их, чтобы не умереть с голоду.

В плоскостной Чечне в основном был развит бурочный промысел. В 1893 г. в нем было занято около 500 семей, которые изготавливали за один год 7400 бурок стоимостью 73 300 руб.³ Изготовление бурок было очень трудоемкой работой, которой занимались только женщины. В то же время одновременная работа значительного числа женщин могла дать быстрый и эффективный результат, а поэтому для отмытки, обработки и валяния шерсти в селах Чечни устраивались регулярные «белхи». Можно отметить, что зажиточные слои, как было отмечено выше, использовали старый обычай для личного обогащения. По свидетельствам современников, в XIX в. «производство бурок не есть уже исключительное достояние Старого Юрта и андийцев, а стало общим делом всего населения. Кроме сукна в размере, достаточном для населения, изготавливаются войлоки разных размеров и рисунков и отличного качества, которые идут на домашние промыслы и на продажу».

Значительное развитие в Чечне получила обработка дерева. Этот промысел, которым занимались почти в каждом хозяйстве, имел давние традиции, которые складывались на территории с богатой сырьевой базой. Дерево играло важную роль в изготовлении различных орудий и бытовой утвари, построек и средств передвижения, орудий шерстеобработки и ткацкого производства и т.д. В каждой чеченской семье почти вся домашняя утварь и обстановка были деревянными – кровать, столы, корыто, люлька, блюдца, чашки и т.д. Значительное место занимало изготовление сельскохозяйственного инвентаря из дерева и железа (арба, борон, колес, молотильных досок, плугов и т.д.). Деревообрабатывающим промыслом занимались только мужчины. Уже в Средневековье данное ремесло у чеченцев было специализировано.

¹ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 78, 104. ² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18502. Л. 7 об. ³ Максимов Ч. Указ. соч.; Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1962. С. 12. РГВИА. Ф. 1300. Д. 3. Оп. 3. Л. 368. Хасбулатова З.И., Шавлаева Т.М. Кустарные промыслы и ремесла // Чеченцы. М., 2012. С. 161. Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахов в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

ванным и наиболее интенсивно и плодотворно развивалось в лесной полосе Чечни, а также в Майстинском и Малхинстинском горных обществах.

Заметное место среди других промыслов Чечни в 80-х годах XIX в. отводилось гончарному производству. В конце XIX – начале XX в. гончарный промысел в Чечено-Ингушетии был развит в основном в равнинной части. Центрами его производства считались аулы Шали, Старый Юрт (Толстой-Юрт), Ташкичу, Шаами-Юрт¹ и другие. Чеченские гончары, как и в целом на Кавказе, практически не имели усовершенствованных орудий труда и приспособлений. Гончары ограничивались линейкой и примитивным гончарным кругом. Глину месили ногами на улице и комки выбирали руками, что делало эту работу сезонной, возможной только в летнее время, 6–8 месяцев в год. Обычно кустари, занимавшиеся гончарным производством, работали вдвоем: один готовил материал, а другой непосредственно на гончарном круге производил изделие. Средний заработок одного гончара за сезон составлял 150–165 руб. На базарах и ярмарках Чечни посуда чеченских гончаров из-за ее хорошего качества и изящества покупалась как горскими крестьянами, так и русским (казацким) населением, принося ремесленникам значительный доход.

Среди чеченцев встречались искусные ювелиры – «дашу пхьар» («деши» – золото, «пхьар» – мастер). Например, в с. Старая Сунжа известным ювелиром был Умалт Дадаев, работавший на заказ³.

Одним из древних ремесел на Северном Кавказе было кузнечное ремесло, которое получило значительное развитие и у чеченцев. Кузнецы изготавливали железные предметы, необходимые в быту и сельскохозяйственном производстве: плуги и лемеха к ним, серпы, косы, подковы, топоры, надочажные цепи и т.д. Хозяйство чеченского крестьянства не могло существовать без кузнеца – «эчиг пхьар» («эчиг» – железо, «пхьар» – мастер). Кузнец был обязан круглый год работать на всех членов сельского общества, делая все, что от него потребуют и что он умел делать. Кузница представляла собой небольшое строение четырехугольной или овальной формы с плетеными стенами, крытое соломой, землей или глиной. Как правило, кузница устраивалась на окраине села. Со своей стороны, сельское общество обязывалось выделить кузнецу пай земли из общественного фонда, предоставить право выпаса крупного и мелкого рогатого скота на общинном выпасе, освободить от всех натуральных повинностей и, кроме того, выплачивать ему хлебом по 2 мерки кукурузы или же деньгами – по 50 копеек с каждого двора³. Близкая форма найма и работы кузнецов бытовала и у других горских народов Северного Кавказа.

¹ Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии. М., 1994. С. 49–50. ² ПМА. Информант Берсанукаева Марет, 1918 г.р., с. Старая Сунжа, Грозненский р-н, 1992 г. ³ Вертепов Г.А. Общинные кузнецы в Чечне // ТВ. Владикавказ, 1898. 137.

В пореформенный период хозяйство чеченских крестьян как на плоскости, так и в горах во многом еще сохраняло натуральный характер. В то же время даже бедный крестьянин уже не мог существовать без связи с рынком, на котором он реализовывал часть своей продукции, чтобы иметь возможность заплатить налоги и другие повинности или же приобрести необходимое для семьи и хозяйства. В условиях развития товарно-денежных отношений любому чеченскому крестьянину, даже из наиболее отдаленных районов, нужны были деньги. Продукты своего труда крестьяне реализовывали в основном на базарах и ярмарках плоскостной Чечни. По свидетельству современников, «лесогорная Чечня привозит сюда доски, бруски, дубки, отдельные деревянные предметы (скамейки, люльки и др.), мед, воск; чеберлоевцы, кистинцы пригоняют баранов, привозят шерсть, сыр, кожи; тавлинцы и андийцы — виноград, фрукты, бурки и пряжу. Взамен подобных сырых или грубо обработанных продуктов плоскостная Чечня дает зерновой хлеб, перепродает получаемые из России фабричные и мануфактурные изделия»¹.

Безземелье и бедность чеченской деревни были одной из основных причин широкого распространения отходничества. Разорившиеся крестьяне в поисках выхода из создавшегося положения все чаще и чаще уходили на заработки. Осенью после уборки хлебов крестьяне массами отправлялись по губерниям и областям Кавказа и других регионов России. Основная масса их к весне следующего года возвращалась домой, но часть оставалась в городах, вливаясь в состав рабочего класса. Совместная работа способствовала воспитанию классовой солидарности у трудящихся разных национальностей.

Отходничество ускоряло разложение чеченской семейной общины. Это и понятно — поскольку члены семей, уходившие на заработки, после возвращения домой, как правило, старались выйти из состава большой семьи, предпочитая основать свою семью, неподвластную главе «старшей» семьи. В основе всех этих процессов лежало вторжение частнособственнических отношений, которые взрывали изнутри большую семейную общину. В этой связи Н.Н. Харузин отмечал, что в середине 1880-х годов процесс распада семейной общины у чеченцев был уже налицо: «За последнее время среди чеченцев и ингушей все чаще и чаще происходят семейные разделы. Большие прежние семьи распадаются все более на несколько самостоятельных небольших семей, получающих каждая новый самостоятельный надел от общества»².

В чеченском обществе долгое время продолжала сохраняться основа для последующей консервации многих характерных черт большой семьи, патронимии, семейной обрядности; по-прежнему на традиционной патриархальной основе развивалось сельское хозяйство, во многом сохранявшее чисто натуральный характер. В крестьянских хозяйствах (например, в боль-

¹ Маргграф О.В. Чеченские селения // ТВ. 1881. 45. ² Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1883. Вып. 3. С. 124.

ших семьях у чеченцев) сам характер распределения продолжал строиться на отношениях натурального хозяйства, предполагавших производство и использование продуктов труда в целях личного потребления. Именно это, в первую очередь, способствовало консервации многих пережиточных элементов предшествовавших формаций, а вместе с ними — и тех элементов семейного уклада, которые были характерны для семейной общины и патронимии. Однако развивающиеся вглубь и вширь капиталистические отношения, входя в экономику и повседневный быт чеченского крестьянства, со временем становились главной причиной ослабления патриархальных связей, приводя к массовому распаду больших неразделенных семей, а также способствуя ликвидации прежней устойчивости экономического и идеологического единства чеченской семьи. Ломка традиционных семейных структур, обычаев, норм и моральных ценностей, всего духовного уклада чеченцев одновременно сопровождалась неизбежным в этом процессе ухудшением материального положения народа.

Примечательно, что царская администрация в этом случае выступала своего рода «ревнителем старины», смыкаясь с реакционной верхушкой чеченского общества, заинтересованной в консервации многих отживших свой век традиционных институтов семейной жизни чеченцев. Примечательно и то, что в Чечне, как и в других районах Кавказа, царская администрация нередко выступала против объективных тенденций развития капиталистических отношений, сохраняла и поддерживала архаичные институты родоплеменного и феодального строя (общину, большие неразделенные семьи и др.). Таким образом, специфика социально-экономического развития Чечни конца XIX — начала XX в. показывает, что в жизни чеченского общества складывались объективные условия для развития капиталистических отношений. В целом они не способствовали сохранению большой неразделенной семьи, семейной общины и патронимии, являвшихся пережитками патриархального уклада, имевшего мало общего с капиталистическими отношениями.

§ 2. Сельская (аульная) община

В настоящем разделе мы переходим к характеристике сельской общины чеченцев, ее роли в общественной и семейной жизни, а также в повседневном быту чеченцев.

Сельская община Чечни XIX — начала XX в., хотя и продолжала оставаться основой общественной жизни чеченского народа, шла к своему закату под влиянием целого ряда объективных факторов социально-экономического характера. Существование сельской общины в пореформенный период тормозило развитие более прогрессивного способа производства. В этом отношении на данном этапе развития чеченского общества она выступала как

консервативная сила. Поэтому в условиях пореформенного периода многие институты аульной общины трансформировались, прежние традиционные формы наполнялись новым содержанием. Такими «превращенными формами» являлись: традиционные институты самоуправления — общинный сход, совет старейшин «мехка кхел» («мехк» — страна, «кхел» — судьба, решение); суд посредников — «маслагат» («примирение») и др. Они в XIX в., особенно во второй его половине, все более изменяли свои первоначальные реальные функции. Известно, что старое не исчезает сразу, а новое не появляется мгновенно. Старое и новое в продолжении определенного времени сосуществуют, причем очень часто качественно новое явление продолжает выступать в оболочке старых традиционных форм.

В сельской общине чеченцев, особенно в пореформенный период, подобные процессы проявлялись в формах ее управления и духовной жизни. Потеряв, по существу, свою самостоятельность, сельская община сохраняла многие прежние институты самоуправления, которые постепенно, с падением их значения в жизни общины, отмирали. Например, некоторые общинные традиции, в том числе различные виды родственной и соседской взаимопомощи, хотя и не отмирали полностью, но постепенно теряли свои первоначальные функции. Так, некоторые рудименты соседской взаимопомощи, совместные праздники и некоторые другие обычаи сохранялись в чеченской общине долгое время, даже в конце XIX — начале XX в.

В изучаемое время в сельской общине чеченцев происходили существенные изменения, связанные и с изменением состава самих общинников. Появилось деление на коренных жителей и пришлых — «тЕбаьхкинарш», а управление общиной было взято под контроль царской администрации, стремившейся сохранить общину как податную единицу, приспособив ее к новым условиям, чтобы задержать процесс классового расслоения¹.

У чеченцев, как отметил известный кавказовед О.М. Давудов, сельская (аульная) община в том виде, в каком она сохранилась до XVIII–XIX вв. — это общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором свободно развивались классовые противоречия и классовая борьба. Соседская община, хотя генетически и связана с первобытной, никак не может рассматриваться как сохранившийся в недрах классового общества пережиток первобытнообщинной формации. Она возникает только в классовом обществе и существует только в классовом обществе. Здесь уместно привести основные признаки сельской общины, отличающие ее от первобытной. Это прежде всего то, что фундамент сельской общины образуют социально-экономические отношения, качественно отличные от тех, которые лежали в основе первобытной общины. Если первобытная община была одновременно и хозяйственным организмом, и ее ячейкой, то

¹ Хасбулатова З.И. Сельская община и духовная жизнь чеченцев в дореволюционном прошлом // Сельская община Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 2003. С. 67–68.

крестьянская сельская община являлась только хозяйственной и состояла из хозяйственных ячеек — крестьянских дворов (дымов). Если первобытная община основывалась на коммунистических отношениях, то крестьянская община основывалась на услугообменных связях. В отличие от первобытной общины, для крестьянской общины был характерен под-

ворно-трудовой принцип распределения. В отличие от первобытных общин, которые были самостоятельными организациями, крестьянская сельская община всегда существовала в недрах классовых социальных организмов¹.

Следует отметить, что в рассматриваемое время семейная община была распространена достаточно широко, внутри нее существовала коллективная собственность на землю и скот, а также общий труд и общее потребление. Примечательно, что в семейную общину входили большие и малые семьи, при этом каждая семья имела свое индивидуальное хозяйство.

В исследованиях дореволюционных авторов по Кавказу разные политические объединения наподобие сельских общин, которые бытовали как у чеченцев, так и у других народов, например, народов Дагестана, назывались «обществами», «округами» и др. Известный кавказовед М.А. Агларов отмечает, что исследователь И. Гербер в начале XVIII в. «впервые ознакомил читателя и открыл для русской исторической науки так называемые «вольные» общества, как управляемые выборными представителями и имеющие самостоятельный статус политической единицы»². Известно, что община была построена на кровных или территориальных, или же земледельческих связях, являла собой объединение людей, с определенной системой управления и подчинения, с авторитетным органом управления³. Здесь следует отметить, что все исследователи-дагестановеды признают, что община была родовой, кровнородственной в очень далекие времена, но со временем она постепенно превратилась в сельскую, и древние территориальные общины использовались господствующими слоями для поддержания экономического и политического господства над основной массой крестьянства. С одной стороны, она как будто защищала права крестьян-общинников, с другой — служила орудием в руках господствующей верхушки.

Основоположники марксизма рассматривали общину как универсально существующую и постоянно эволюционирующую хозяйственную и социальную организацию, принимавшую под воздействием исторических условий последовательно сменявшиеся формы: родовая, домашняя и соседская (земледельческая) община.

¹ Давудов О.М. Зарождение сельской общины // Сельская община Дагестана и Северного Кавказа. С. 3–4. ² Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII — начале XIX в. М., 1988. ³ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся». М., 1979. С. 145. Там же. С. 146. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 250–251.

Община являлась в прошлом социальным коллективом непосредственных сельскохозяйственных производителей и отличалась многообразием функций. Сельская община ведала поземельными, хозяйственными, благотворительными делами, выполняла административно-управленческие, судебно-полицейские и податные функции, осуществляла культурно-бытовые, религиозно-воспитательные мероприятия, выступала в качестве выразительницы интересов крестьян и рычага воздействия на структуры власти и др.

У кавказских народов сельская община составляла одну из характерных черт общественного уклада. Исследователи общины народов Кавказа как дореволюционного, так и после революционного времени, сформулировали выводы о том, что: 1. Исторически обусловлено повсеместное возникновение и длительное существование общины. 2. Общинные традиции отличаются относительной устойчивостью. 3. Психология общины зависит от форм господствующей в ней земельной собственности².

В.И. Ленин писал, что «общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, наоборот, самая глубокая и самая прочная основа его. Самая глубокая — потому что именно здесь, вдали от каких бы то ни было «искусственных» воздействий и несмотря на учреждения, стесняющие развитие капитализма, мы видим постоянное образование элементов капитализма внутри самой «общины». Самая прочная потому, что на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального

быта, а вследствие этого – преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т.д.) проявляется здесь с наибольшей медлительностью и постепенностью»³.

Говоря о формах управления сельской общиной в условиях пореформенной Чечни, следует отметить, что в Центральной России одной из причин, вызвавшей проведение ряда реформ административных и судебных органов как надстроечных учреждений, были изменения в самом базисе после ликвидации крепостного права. Таким образом, в Центральной России реформы носили буржуазный характер, и проведение их было вызвано, как и отмена крепостного права, острой революционной борьбой народных масс против крепостничества, против военно-феодаловых методов управления страной, т.е. революционной ситуацией, сложившейся в России к середине XIX в.

Иными были причины буржуазных реформ на Кавказе. Здесь в отмене крепостного права и проведении буржуазных преобразований был заин-

тересован прежде всего российский капитализм, нуждавшийся в рынках сбыта, а также в сырье для промышленного производства. Административные, судебные и другие изменения в 1860–1870-е годы были вызваны здесь не столько внутренним развитием народов Кавказа, сколько интересами русского государства, интересами торгово-промышленного капитала. Это было, можно сказать, в некоторой степени продолжением деятельности царизма по политическому завоеванию Кавказа, предшествовавшим его экономическому «завоеванию».

Административные и другие реформы на Кавказе имели, несмотря на свои недостатки и ограниченность, прогрессивное значение, так как они способствовали ликвидации замкнутости горских обществ. Все эти преобразования дали также возможность отменить режим военной оккупации, установленный в горских округах в период Кавказской войны и установить гражданское управление.

Одной из первых форм правления на завоеванных территориях Северного Кавказа была система приставов. Царским командованием после подчинения того или иного района устанавливался режим оккупации. Но вместе с тем на завоеванных территориях сохранялись сложившиеся ранее устои и классовые взаимоотношения, сохранялся местный суд посредников, основанный на адате или духовный суд по шариату. Однако над всеми местными органами управления стоял пристав (чеч. «пурстоп»), которому принадлежала на месте вся полнота административной власти.

Сельский сход. С прекращением военных действий необходимо было создать форму правления, и в 1865 г. было утверждено Кавказское горское управление¹. В конце 60-х гг. XIX в. было разработано «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях», которое вскоре было внедрено в среде горского населения Терской области. Согласно этому положению, общественное управление составляли: 1) сельский сход; 2) сельский старшина; 3) сельский суд. В документах архива об аульном правлении (1895–1897 гг.) мы читаем: «Сельское (аульное) правление образуется из сельского старшины, его помощников, сельского казначея и доверенных... На сельское правление возлагается делопроизводство по всем предметам ведения сельского правления... Сельское правление имеет печать с надписью: «Печать такого-то сельского общества, такой-то области»².

Сход любого селения (аула) состоял из всех совершеннолетних домохозяев, принадлежавших к тому или иному сельскому обществу, считавшихся коренными жителями и представлявших отдельный «дым». Сельский сход выбирал и контролировал аульных должностных лиц, распоряжался аульными земельными угодьями. На сходе «происходит распределение земель-

¹ Хасбулатов А.И. Сельская община чеченцев и ее управление (XIX — начало XX в.) // Сельская община Дагестана и Северного Кавказа. С. 27. ² Там же. С. 28. ³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 165.

ных угодий и раскладка казенных земских податей и повинностей между отдельными поселками (аулами. — З.Х.), входящими в состав общины, а также распределение между жителями всей общины падающих на них повинностей, выбор сборщика податей и других должностных лиц»¹.

На сельском сходе решались вопросы правовые по поводу нарушения норм адата (например, убийство гостя, убийство прощенного кровника, убийство женщины, рубка грушевого дерева, прелюбодеяние и др.). Аульная община на своем сходе выносила решение об общественном осуждении, своего рода «общинном проклятии» или воздвижении данному лицу карлага². Для этого определялось место, куда в знак проклятия бросал камни или горсть земли любой проходящий мимо данного места, произнося проклятие в адрес человека, совершившего преступный поступок. Карлаги служили инструментом морального воздействия на людей; они внушали страх, о них не полагалось даже думать и говорить в жилых помещениях. Люди, в знак осуждения которых были сооружены эти «памятники позора», сильно страдали; от них поворачивались даже родственники.

Как правило, карлаги устраивались в местах скрещения дорог и служили инструментом морального воздействия на людей. Родители в ответ на расспросы детей или по своей инициативе объясняли, за что воздвигались подобные «памятники» проклятия, и тем самым предостерегали молодежь от совершения поступков, считавшихся не соответствующими чеченским этическим нормам. Наш информант из с. Курчалой вспоминала, как они, будучи подростками, еще до депортации 1944 г., бросали камни в такие кучи, произнося проклятия в адрес человека, который убил кровника, с которым уже было проведено примирение³.

В адатах кавказских горцев, в частности, отмечалось: «исключенный из тухума является совершенно отверженным, с ним прекращали всякое отно-

шение, он терял право на участие в наследстве. За пролитую им кровь тухум не отвечал и его не искал: одним словом, изгнанный умирал политически. Иногда же бывало, что особенно порочных членов, вместо изгнания, просто убивали»¹. В другом документе мы читаем: «Общество селения Альтиевского приговором своим от 27 марта 1892 года ходатайствует об удалении из своей среды за порочное поведение бывшего сельского муллу...». Этот факт огромного воздействия не могла не учитывать царская администрация, сохранявшая и поддерживавшая общину на Кавказе. Однако теперь все более и более в ней она делала ставку на «своих» людей, наделенных царским правительством властью за «заслуги» перед ним — кулаков, разбогатевших на торговле скотом, землей (аренде и спекуляции). Эта сельская компрадорская буржуазия стремилась любой ценой (даже за взятку) выдвинуться на роль старшины или другого должностного лица и, попав на это место, всеми силами стремилась удержаться у кормила власти, чтобы грабить своих соотечественников и обогащаться, выходя затем в «верхи общества» — в ряды торгово-промышленной буржуазии, интернациональной по своему характеру.

На сходе также решался вопрос о приеме нового члена в общину или же о выводе из нее. «Желающий перейти из одного общества в другое должен, испросив сначала приемный договор того общества, куда он переходит, а потом увольнительное.... Увольнение и прием членов общества лежит на обязанности аульного схода, а увольнительные свидетельства представляются получающим их начальнику уезда»², — отмечается в одном из документов конца XIX в. Аульный сход ведал обложением налогов членов общины и распределением других повинностей среди них. «Раскладка этого сбора (земские и государственные повинности. — З.Х.) между вами (членами общества. — З.Х.) будет предоставлена аульным обществам»³, — говорилось в прокламации бывшего главнокомандующего.

Сельский старшина. В сельской (аульной) общине чеченцев для обеспечения власти было недостаточно одного авторитета старейшины, и в силу этого в ней существовал институт должностных лиц, основной задачей которого был контроль за выполнением решений сельского схода, а также разбор и решение текущих вопросов, а в случае необходимости и принуж-

дение: «обязанности старейшины состоят в наблюдении за местным полицейским порядком, выполнением приговоров народных судов, взыскании штрафных денег... в исполнении приказаний приставств и т.п.».

Н. Семенов также указывал на существенную роль старейшин в общественном быту чеченцев: «все вопросы, выходящие из круга частных интересов, затрагивающие жизнь целого аула, общества или всего племени, раз-

¹ Эсадзе С. Historical записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1–2. ² РГИА СПб. Ф. 573. Оп. 12. Д. 13059. Л. 33. ³ Там же. Л. 50 об. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. 1. С. 57–58.

решаются всегда на сходах старших (отцов), и решение сходов признается обязательным для всех членов той или другой общественной группы, а если они приняты по вопросам, касающимся всего народа, то для всех истинных членов его... Везде общество, народ в лице главарей его (не тех, которых мы выдвинули из народа, а тех, которых народ сам считает таковыми), принимает решение, а отдельная личность идет за главарями в силу укоренившейся в ней общественной дисциплины»¹.

Согласно «Положения» 1869 г., должность сельского старшины являлась выборной, но он был уже не столько главой общины, как прежде, сколько представителем административной власти в ауле. Следует отметить, что Ш.Б. Ахмадов пишет, что в XVIII – начале XIX в. «в некоторых сельских обществах старейшины (старшины) выступали также и в роли военачальников, т.е. предводителей военных походов. Под руководством таких военачальников жители отдельных обществ совершали набеги на соседние территории. Предводителям военных дружин доставалась лучшая и большая доля награбленной добычи»². П.Г. Бутков отмечал, что при дележе добычи «башьча» — вождь получал вдвое больше³, а по данным А.Л. Зиссермана — две трети.

Если в XVIII – начале XIX в. сельского старшину выбирали, то во второй половине XIX – начале XX в., хотя эта должность и была выборной, как и прежде, но наделенный правами по закону, сельский старшина уже не мог превышать свои полномочия, не считаясь с прежними нормами обычного права, а в силу этого он уже не находился в прежней зависимости от воли схода. Если в первые годы проведения территориально-административной реформы должность аульного старшины, как и прежде, занимали люди из знатных и влиятельных тайпов (возможно, и раньше стоявшие во главе общин), то постоянный состав аульных старшин менялся. Теперь ими, в первую очередь, становились лица, преданные царизму, независимо от их сословного происхождения. Для этого царская администрация вынуждена была контролировать выборы, назначать на должность «своих», отвергать неугодных кандидатов, готовя сельские сходы заранее и тем самым нарушая традиционную общинную демократию, превращая ее в «колониальную функцию». В этом плане примечателен тот факт, что старшины чеченских обществ утверждались самим начальником области.

Обычно аульный старшина имел право на одного или даже двух (в больших аулах) выбранных помощников. Будучи представителем царской администрации, сельский старшина, его помощники и другие сельские

должностные лица получали жалованье за счет общества¹, а не от государства. Сельские должностные лица в силу занимаемой ими должности имели некоторые льготы и от сельского общества. Так, они были освобождены от натуральных повинностей, которые выполнялись остальными членами сельской общины; в их пользу, особенно сельского старшины, выполнялись все сельскохозяйственные работы². Таким образом, эти лица, помимо всего прочего, были обузой для общины, вынужденной за свой счет содержать «царских надзирателей». «Старшина со временем, в конце XIX – начале XX в. назначается не по выбору общества, а по назначению администрации... А между тем, назначение администрацией по своему усмотрению сельских старшин у горцев составляет громадное зло, так как население попадает в руки лиц плохой

нравственности, желающих так или иначе подслужиться лишь своему начальнику и игнорирующих ближайшие интересы и нужды сельчан-горцев»³.

Это проявлялось и в том, что старшины следили за «порядком» в ауле (в первую очередь, за политическим), задерживали бунтарей и беглых, доносили начальнику о беспорядках и т.д. «Живя постоянно в своих домах (среди одноаульцев. — З.Х.), старшина и их помощники обязаны знать о всех случившихся происшествиях, отвечая перед начальником за все». Давая такую разностороннюю и значительную власть аульному старшине, царское правительство стремилось обеспечить себя осведомителями, надежными слугами и проводниками своей политики в горских обществах.

В архиве г. Грозного хранились (до военных событий 1994–2001 гг.) материалы, составленные сотрудниками Чечено-Ингушского НИИ (который также теперь не существует вследствие тех же военных действий), посвященные отдельным страницам истории Чечни. Так, в статье М. Абдулкадырова «О происхождении чеченцев» отмечалось, что «царские старшины, чиновники и офицеры из чеченцев назначались с учетом родового положения кандидата, т.е. из более или менее большой фамилии — родственников, опираясь на силу которых, старшины могли осуществлять свои служебные функции на селе. Согнутая, как говорится, в бараний рог деспотической властью царизма, чеченская масса прибегала ко всем способам спасения от насилия этой власти, и вереница ближайших родственников удлинялась и усиливалась за счет более отдаленных родственников, называвшихся однотайповцами, которые за поддержку «авторитета власти» царского старшины пользовались от него льготами и помощью в их экономическом и административном положении».

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа: Чеченцы. СПб., 1895. С. 97–98. ² Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII — начале XIX в. Элиста, 2002. С. 275. ³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 1. С. 260–261. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 2. С. 440.

Близкую к истине характеристику действий аульной администрации, под давлением неопровержимых фактов, дал даже сам наместник Кавказа, граф И.И. Воронцов-Дашков. Он писал: «Сельские должностные лица, пользуясь поддержкой администрации (имеется в виду русская администрация. — З.Х.) и своим независимым от избравшего их общества положением, нередко преследуют свои личные интересы... Следствием этих злоупотреблений, ставших как бы нормальным порядком вещей, явилось то, что вся тяжесть сборов, казенных и общественных, а равно и натуральных повинностей падает почти исключительно на наименее состоятельную часть населения, тогда как для богатых изобретаются поводы к уклонению от платежа налогов и выполнения натуральных повинностей. Все жалобы на подобные действия сельских властей, приносимые полиции, обычно остаются без последствий, так как она поддерживает своих агентов. Эта поддержка... часто вызывается тем обстоятельством, что выборы должностных лиц сельского управления составляют доходную часть для чинов уездной полиции»¹.

«Фактические материалы второй половины XIX – начала XX в. показывают, – отмечает д.и.н., профессор А.И. Хасбулатов, – что в горских аулах на должность старшины попадали в основном состоятельные люди, угодные административным властям. Постепенно власти перешли к назначенным старшинам, не считаясь ни с желанием, ни с интересами жителей сельского общества... Население практически было лишено возможности выбора старшины по своему усмотрению, довольно часто, даже когда это право формально оставалось за сельским обществом. Таким же произволом часто решала администрация вопросы относительно и других сельских должностных лиц»².

В рассматриваемое время аульная община чеченцев выполняла роль посредника между царской администрацией и сельским обществом. Колониальные власти считали основной функцией старшины надзор за общественным порядком, организацию поступления налога и

всевозможных поборов для пополнения государственной казны. Отметим, что сельский старшина «заботился» об общинных интересах только в том случае, если они прямо или косвенно не противоречили политике царской власти.

Одним из важных и традиционных органов в системе самоуправления аульной общины был «совет старейшин» – «мехка-кхел», сохранившийся в новых условиях. В далекие времена у чеченцев «мехка-кхел» являлся весьма авторитетным органом власти общины и всей страны. Согласно фольклорным и историческим источникам, «мехка-кхел» был известен с конца XV – начала XVI в., он был высшим руководящим органом страны, который

совмещал законодательную, исполнительную и судебную власть. Его установления имели для вольных чеченских обществ силу закона, который не могут нарушить никто. Высокий авторитет имели члены «мехка-кхел». В этот орган власти могли быть избраны люди не моложе 40 лет, которые имели высокий нравственный авторитет и по своему нравственному поведению могли служить образцом для всех жителей страны; имущественного ценза при этом не было¹.

До распространения в Чечне мусульманства в совете господствовала местная знать, а с установлением и укреплением ислама стала господствовать теократическая верхушка. Судя по народным преданиям, одним из древних предводителей страны – совета старейшин «мехка-кхел» – был Мулкой (возможно, он был основателем известного тайпа мулкой). Для обсуждения насущных проблем собирались старейшины сел, жрецы, представители знатных фамилий и общин, почитаемые люди, ораторы, владельцы. Начиная по крайней мере с середины XVIII в. в «мехка-кхел» господствовали мусульманские ученые (алимы), роль которых особенно усилилась к моменту приглашения в Чечню для правления имама Шамиля. При нем был организован для Дагестана и Чечни единый государственный совет – диван-хана, состоявший почти из одних алимов и руководителей имамата – исламского теократического государства Шамиля. Но и Шамилю приходилось созывать в Чечне более представительный «мехка-кхел». Возможно, до более полного объединения Дагестана и Чечни «мехка-кхел» часто проводился в пограничном с аварцами и андийцами чеченском селении Макажой². Другой предводитель «мехка-кхел» Виса Тинаев оставил память о себе тем, что считался освободителем плоскостной Чечни от калмыков («Галмакхой»); возможно, это предание относится к XVII–XVIII вв.

Главной функцией Совета старейшин было решение внутренних и внешних вопросов жизни общины. Совет собирался один раз в год в определенное время и в определенном «священном» месте, и только в случае крайней необходимости он мог собраться на экстренное заседание. Как говорят предания, с. Нашаха – самое древнее место сбора «мехка-кхел». Впоследствии ими были общества: с. Майсты, с. Нана-Чечан и др.

Остановимся на с. Майсты. Жители майстинского общества, как и многих других обществ, отличались независимостью и свободолюбием. Так, в период Кавказской войны XIX в. они, не желая подчиниться как российским властям, так и имаму Шамилю, сопротивлялись во главе с отчаянным руководителем, который по приглашению грузинских князей вместе со своими родственниками ушел в Грузию и в Панкисском ущелье основал несколько селений. Примечательно, что жители с. Майсты отличались госте-

¹ Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис, 1907. С. 136–137. ² Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2001. С. 109.

¹ ПМА. Информант Иризинов Ваха, с. Герменчук, 1982 г. ² РГИА СПб. Ф. 573. Оп. 25. Д. 1219. Л. 67. ³ Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 303. Л. 78. Там же. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 99. Л. 40. ЦГА ЧР. Ф. 586. Оп. 1. Д. 25. Л. 40 об., 41.

¹ Саидов И. Мехка-кхел... С. 22. ² Саидов И.М. Этнографические заметки // ЧНИИИЯЛ Грозный, 1964. Т. 5. Вып. 1. С. 124–126.

приимством, о чем писали многие дореволюционные авторы, посетившие Чечню: Н. Иванов, Н. Семенов, К. Ган, А.Л. Зиссерман¹ и другие авторы восхищались гостеприимством чеченцев, в том числе и майстинцев. На весь Кавказ были известны майстинские народные врачеватели, которые издавна обладали искусством трепанации черепа, умели лечить разнообразные раны, нанесенные как огнестрельным, так и холодным оружием. Отметим также и то, что в Майсты жили и жреческие фамилии, которые передавали по наследству тайны магии, секреты гипноза². Особым авторитетом среди чеченцев пользовались жители Майсты как знатоки адата – чеченского обычного права. Вплоть до 1944 г. существовал «Майстинский кхел», своего рода Верховный суд Чечни, где знатоки обычного права за определенную плату разбирали тяжбы и споры не только чеченцев, но и ингушей, грузин и других народов Кавказа. К нему обращались в том случае, если при разбирательстве дела другие судебные учреждения заходили в тупик. Суд майстинцев считался справедливым, и его решения всегда исполнялись³. Наши полевые материалы также подтвердили, что жители с. Майсты были известны глубоким знанием адатов. Примечательно, что майстинцы, по свидетельству У. Лаудаева, как было отмечено выше, были прекрасными знатоками норм обычного права, поэтому их часто приглашали и в другие районы Чечни и даже в Дагестан, Грузию для разрешения наиболее сложных случаев, и это в некоторой степени способствовало выработке общих для нескольких народов норм обычного права.

Другим центром сбора «мехка-кхел» считалась гора «Кхеташ корта» («кхеташ» – понятливый, «корта» – голова), расположенная неподалеку от с. Центорой. И.М. Саидов пишет, что по дошедшим до нас преданиям древнейшими центрами сбора старейшин и «мехка-кхел» служили районы р. Чанты-Аргуна (Щой пхеда), Майсты, гора Мизир-корта, Жеми-барз (с. Чечен-аул), с. Кий, место чеченцев для привязи коней (говраш тосо баса) около г. Грозный, с. Нашаха, курган Кхеташ-Корта и др.

Примечательно, что ценные сведения о «мехка-кхел», который функционировал на горе Муйти-Корт, приводит М.А. Иванов. Он писал, что гора Муйти-Корт, на которой когда-то собирался мехк-кхел, в прошлом выполняла существенную роль, что «для решения всяких спорных дел и установления условий собирались в то время наши почетные старики – представители племен чеченцев, ингушей, карабулаков, мелхистинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (Муйти-Корт). Со стороны Акинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний, а имя его было Муфты. Предлогом занятий совещаний бывало установление цены на выкуп пленных, а также цены на скот» и т.п. По сведениям М.А. Иванова, председатель «мехка-кхел» имел всегда решающий голос², — отмечает исследователь Ш.Б. Ахмадов. Также Ш.Б. Ахмадов пишет, что сведения, приведенные М.А. Ивановым о «мехк-кхел», возможно, относятся к более раннему периоду, до мусульманскому времени³.

¹ Иванов Н. Чеченцы // Москвитянин. М., 1851. 19–20; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. М., 1895; Ган К.Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан // НИКОГО. 1902. Т. 15. Кн. 4; Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). СПб., 1879 и др. ² Кавказани Л. Майста // Латта: Информационно-аналитический бюллетень. Грозный, 2002. 4. С. 34–35. ³ Там же. С. 35. ПМА. Информант А. Алиев, 1889 г.р., с. Хал-келой, 1981 г. и др. Саидов И.М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. 2. С. 200.

¹ Иванов М.А. В горах между рр. Фортангой и Аргуном // ИКОРГО. 1904. Т. XVII. С. 49.

² Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 283. ³ Там же. С. 283. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Чеченцы. СПб., 1895. С. 97–98.

Со временем традиционный чеченский «мехка-кхел» стал терять свое былое значение, что особенно стало заметно в пореформенный период развития Чечни. Следует отметить, что в «Положении» институт «Совета старейшин» не был закреплен законодательным порядком,

несмотря на то, что этот традиционный общественный институт все еще продолжал действовать. Причин этому может быть три: во-первых, Совет был для русской колониальной администрации «лишним», архаичным институтом, уже не сохранившимся в русской крестьянской общине; во-вторых (главное), эти советы в период Кавказской войны во многих случаях занимали резко враждебную позицию по отношению к завоевателям, чем заслужили от русской администрации «немилость», и, в-третьих, советы могли во многом ограничить власть назначенных властями старшин-осведомителей путем неофициального морального (общественное мнение общины) воздействия на них. Если в дореформенный период деятельность совета старейшин и его функции были многообразны и широки (сюда входили хозяйственные, бытовые, семейные и организационные дела), то после введения «Положения» его деятельность была резко ограничена (дань прошлому), и его бывшие функции стали выполняться аульным старшиной и другими сельскими должностными лицами. Функции же совета старейшин постепенно свелись лишь к решению некоторых второстепенных внутри общинных вопросов: семейные споры, тяжбы, разделы имущества и др. О важной в прошлом роли этого института в жизни аульной общины говорит и длительность его сохранения, а также тот факт, что даже в дореволюционное время администрация вынуждена была прибегать к его помощи (например, при решении спорных вопросов по кровной мести и т.п.). Даже в настоящее время в некоторых чеченских селениях существуют советы старейшин, являющиеся органами «местного самоуправления», действующими на общественных началах. Так, в 1980-е годы в с. Герменчук в совет старейшин входили 4 человека во главе с «тамадой» (главой), которым в течение нескольких лет был В. Ирисханов. Кроме него в совет входили уважаемые жители селения – М. Солтамурадов (80 лет), В. Небиев (70 лет), Х. Мусаев (75 лет), В. Ирисханов (68 лет)¹. Они на общественных началах помогали сельскому совету в решении таких важных вопросов, как воспитание молодежи, борьба против антиобщественных поступков² и др.

Такое совмещение в жизни чеченского аула конца XIX в. разных типов организации власти и управления явилось, по нашему мнению, подтверждением того факта, что в жизни сельской общины Чечни в указанное время происходили ломка, перестройка и приспособление ее к новым развивающимся условиям капитализма, проводимые административными мерами «сверху». Подобное переплетение в одной системе аульной общины нового и старого, традиционного, можно было наблюдать в конце XIX – начале XX в. и в других районах Северного Кавказа, у других горских народов региона³. «Горцы дела свои, неприкосновенные с русскими, разбирают в горском суде («Мехка-кхеле»), составленном из председателя суда, начальника суда, начальника округа, кадия и трех депутатов из среды народа. Затем все дела горцев, прикосновенные к русским, ведаются в общих судебных учреждениях», – читаем мы в архивных документах.

Таким образом, во второй половине XIX в. после полного присоединения Кавказа и утверждения власти царизма в крае, традиционное общинное управление в Чечне постепенно заменяется государственной административной властью, облаченной в старые «общинные одежды». Русская администрация, созывая сходы в принятой у чеченцев форме, создавала лишь видимость сохранения традиционных институтов и уважения прав горцев. В действительности же сельские сходы и «выборные» должностные лица, созывавшиеся и избиравшиеся по инициативе органов колониальной власти,

¹ ПМА. Информант Ирезиев В., с. Герменчук. 1985 г. ² Примечательно, что в некоторых казачьих станицах, как показали сравнительные этнографические материалы 1978 г. (например, в ст. Котляревской Майского района Кабардино-Балкарии), по примеру горских селений также были созданы и успешно функционировали «Советы старейшин», активно работавшие также и с молодежью. ³ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX в. М., 1988. С. 174–190. РГИА СПб. Ф. 866. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

являлись ширмой, которой царизм прикрывал свою реакционную политику на Кавказе. С другой стороны, сельская община, как и крестьянская русская община в метрополии, являлась своего рода податной единицей, облагаемой налогом, а ее нормы общественного поведения и взгляды, для выработки которых требовались века, продолжали еще сохраняться и действовать (и с ними приходилось считаться!), правда, в пережиточной форме. Все это и являлось причиной сохранения сельской аульной общины в Чечне во второй половине XIX – начале XX в. (вплоть до революции 1917 г.).

Примечательно, что свидетельством «выгодности» для государства общинных традиций, выработанных веками стереотипов поведения (например, общественного воздействия на членов того или иного сельского общества, даже независимо от их положения), могут служить многочисленные факты изгнания членов общины, наказание некоторых из них посредством устройства «карлагов» (форма проклятия)¹, различными штрафами и т.д.

Таким образом, подводя итог сказанному выше об аульной общине, следует отметить, что она в Чечне в конце XIX в. по своему составу была двух типов: простая, состоящая только из жителей одного аула, и сложносоставная, состоящая из жителей нескольких селений. Так, Гунойское общество включало в себя одно старое селение, состоявшее из 221 двора, а Аллеройское общество – из 7 селений с хуторами и выселками². Одной из характерных черт чеченской сельской общины во второй половине XIX в. стала ее многотайповость и неоднородность, в рамках вновь созданных путем укрупнения селений находилось 2–3 и более самостоятельных в прошлом общин. В каждом ауле обычно имелась общесельская мечеть, но и в каждом квартале, как бы подчеркивая их независимость, были свои квартальные мечети. Так, в с. Старый Юрт (ныне Толстой-Юрт) в 8 кварталах-купах имелось 8 куповых мечетей и еще одна главная мечеть, где собирались жители аула на общесельский сход; в с. Старая Сунжа было 4 куповых и одна главная мечеть³. Судя по целому ряду признаков, эти мечети являлись собой патронимические культовые центры еще на раннем этапе существования сельских общин, а затем в конце XIX в. стали квартальными. Самостоятельность проявлялась не только в сфере идеологии (в данном случае – религии), но и в повседневной производственно-трудовой деятельности.

Вопросы, имевшие общеаульный характер, например, изгнание из общины человека за аморальное поведение или же прием в общество нового члена, а также вопросы, касающиеся споров в отношении земель, пастбищ и угодий, выносились на обсуждение всей общины. Общеаульный характер

¹ Подробнее о карлагах см.: Гл. 1, § 2. ² Труды комиссии по исследованию землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 274–277. ³ РГИА СПб. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2378. Л. 503. ПМА. Информант Межидов Мерлу, 1905 г.р., с. Калаус. 1986 г.

носили и правовые дела по поводу нарушения общинных норм адата (например, убийство гостя, убийство кровника, прелюбодеяние, рубка грушевого дерева, убийство женщины и др.), о возведении карлага¹.

Таким образом, говоря «сельская», «соседская» община, как правило, мы подразумеваем, что в данной общине преобладают соседско-территориальные, т.е. неродственные связи. В то же время для Чечни второй половины XIX в. нельзя отрицать наличие в сельской общине кровнородственных связей, значение которых в изучаемое время было еще значительным.

Сельская община чеченцев в рассматриваемое время (XIX–XX вв.), являлась главным социально-экономическим звеном общественной структуры, играла большую роль в их повседневной жизни, составляя в то же время низшую территориально-административную единицу. Разумеется, в отличие от русской земледельческой общины она имела некоторые свои особенности, свои специфические черты, которые объяснялись своеобразием исторических и природно-хозяйственных условий, этническими традициями, социальным составом членов и другими причинами.

В целом же аульная община чеченцев представляла собой низшую административно-территориальную единицу. Юридически каждая община свободно и самостоятельно могла решать свои дела, но фактически она находилась под контролем государственной власти в лице начальника округа и назначенных им или выбранных под его контролем старшин. Вопросы устройства и исправления обязанностей внутри общин были детально разработаны «Положением об общинах». Юридически вся исполнительная власть, согласно этому положению, находилась в руках аульного схода. На сходе право голоса имели совершеннолетние мужчины – коренные жители аула, решавшие такие вопросы, как выселение, прием новых членов общины, земельные и семейные дела и др. вопросы. Однако решения схода обретали силу только после утверждения их царской администрацией. Одним словом, во второй половине XIX в. в Чечне еще сохранялась общинная организация, которую царские власти приспособляли к своим колониальным нуждам и в меньшей степени – к изменявшимся социальным отношениям.

По своей структуре сельская община чеченцев во второй половине XIX в. была сложной, постоянно развивающейся организацией, являющейся составной частью общественной организации. Семья в ней была низшей самостоятельной единицей, формы которой менялись с развитием общества.

Таким образом, совмещение в жизни чеченского аула XIX в. разных видов организации власти и управления явилось, по нашему мнению, подтверждением того факта, что в жизни сельской общины Чечни, особенно со второй половины XIX в. происходила трансформация, приспособление ее к новым условиям развивающегося капитализма, что зачастую было инициировано «сверху».

¹ РГИА СПб. Ф. 573. Оп. 3. Д. 477. Л. 50 об.

При этом государство стремилось использовать в своих интересах и нормы обычного права – адаты. И.М. Саидов в отношении адата писал: «адат – обычное право кавказских народов, Сам термин “адат”, как обозначение обычного права, появился на Кавказе в связи с распространением ислама, хотя нормы обычного права существовали у различных народов Кавказа с древнейших времен. Чеченское обычное право считалось одной из самых развитых правовых систем на Кавказе»¹. По мнению И.М. Саидова, «Нормы чеченского обычного права, по крайней мере, с начала XVI века, устанавливались Мехка-кхелом, Высшим советом Страны. Эти нормы к тому же были записаны, и в Чечне были записи адатов, которые датировались концом XVII – началом XVIII века, которые исчезли уже после выселения чеченцев в 1944 году»².

Примечательно, что судя по материалам И. Саидова, а также нашим полевым материалам, в старину, когда возникала необходимость разрешения сложных вопросов, из многих регионов Кавказа, и даже из горных районов Грузии обращались к чеченцам. Выше мы уже отмечали, что жители Майсты были известны как большие знатоки правовых норм. По сведениям И.М. Саидова, вплоть до депортации чеченцев в 1944 г., к Майстинскому суду обращались как к последней инстанции не только жители Чечни, но и представители других народов Кавказа. Как свидетельствуют этнографические и другие материалы майстинские «судьи» почти всегда удовлетворяли обе стороны, и не было случая, чтобы они не могли разрешить ту или иную спорную ситуацию. Примечательно, что для своего времени обычное право чеченцев являлось относительно гуманным, поскольку в этом праве отсутствовали такие наказания, как смерть или увечье. Также, независимо от степени тяжести преступления, по нормам чеченского обычного права не применяли смертную казнь в отношении женщины, кроме того, она не была и объектом кроной мести. Положительным, на наш взгляд, в обычном праве чеченцев было и то, что адаты действовали одинаково в отношении всех людей, независимо от их имущественного и социального положения.

В период усиления ислама в Чечне, как указывает И.М. Саидов, чеченское обычное право испытывало значительное влияние со стороны шариата в главных нормах хозяйственного и

гражданского права. Влияние шариата в большинстве случаев не коснулось уголовного и общественного права. Следует отметить, что приверженность чеченцев традиционному праву была настолько сильна и крепка, что имам Шамиль должен был пойти на значительные уступки при установлении своих низамов. Так, когда имам потребовал от чеченских старшин не отпускать девушек на свидание к роднику и выдавать их замуж по своему усмотрению по достижении 13 лет, чеченские

¹ Саидов И.М. Мехка-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // Латта: Информационно-аналитический бюллетень. Грозный, 2002. 4. С. 26. ² Там же.

старшины ответили примерно так: «Шамиль, ты знаешь, что мы всегда и во всем следовали за тобой. Но в данном случае мы не можем подчиниться тебе. В этом случае война будет в каждом доме».

Таким образом, подводя итог сказанному о чеченских адатах, отметим, что обычное право чеченцев предусматривало, можно сказать, многие институты, которые являются обязательными для современной судебной практики: обвинение, защита, право ответчика обратиться в другую инстанцию. Судя по фольклорным и другим материалам, источниками обычного права у чеченцев был не столько обычай, сколько установления «мехка-кхел», в которых значительную роль играл и прецедент.

§ 3. Социальная структура сельской общины

В общественном строе и быте чеченцев в XIX в. сохранялось немало структур¹ прошлого, изучение которых привлекало внимание многих исследователей, как дореволюционных, так и российских. Так, по словам М.О. Косвена, древняя родовая структура Кавказа в процессе развития и изменения была представлена в виде родственных коллективов, развивавшихся в следующем порядке: семейная община, патронимия и фамилия. Также родственные отношения были характерны в прошлом и для чеченцев. Их бытование в XIX в. в силу особенностей социально-экономического развития Чечни подтверждается литературными и архивными данными. Подтверждением этого являются, на наш взгляд, и ряд терминов, которые возникли в прошлые эпохи и продолжали сохраняться в языке, хотя и потеряли в некотором отношении свое первоначальное значение.

Почти у всех горских народов Северного Кавказа в XIX в. преобладала сельская территориальная (соседская) община, которая являлась ведущей формой общественной организации. Она имела у чеченцев несколько наименований – тайп, джамаат, и заселяла аул – «эвл», «юрт». В прошлом, когда поселения были заселены родственными семьями, название села и общины часто совпадало. Так, «Беной эвл» – беной тайп, «Харачой юрт» – харачой тайп и т.д. Подобные явления наблюдались и у других народов Северного Кавказа: у абазин «кыт»² обозначало название сельской общины и аула, у абхазов – «акыта»³, у адыгов – «куадж», у карачаевцев – «эль» и др.

¹ Социальная структура, по определению в философском энциклопедическом словаре, – это сеть устойчивых и упорядоченных связей между элементами социальной системы, обусловленных характером социальных институтов. ² Данилова Е.Н. Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX в. // СЭ. 1973. 5. ³ Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. Ванеев З.И. Из истории быта Юго-Осетии. Тбилиси, 1955.

Исследователь сельской общины горских народов Северного Кавказа Е.Н. Кушева привела интересные параллели с чеченскими «землицами»¹ из источников XIV–XVIII вв. Она писала, отмечая существование у чеченцев отдельных локальных групп, что русские горские земли² совпадают с названиями обществ Чечни из источников XIX в. Опираясь на знание источников, Е.Н. Кушева отметила, что термин «землица» в одних случаях означал

«тайп» (род), который продолжал бытовать и в XIX в., и даже в XX в., сохраняясь как пережиточные явления. По ее мнению, иное содержание имеют такие обозначения, как Шибутская или Мичкиская земля, видимо, это родоплеменные группы, тохумы, которые объединяли несколько тайпов.

Известный исследователь общественных отношений народов Кавказа Р.Л. Харадзе отмечает, что в дореволюционной литературе применялся термин «общество» как синоним общины³. Другой известный грузинский исследователь профессор А.И. Робакидзе считает, что у чеченцев группы сел назывались «обществами», с распадом сельско-общинного единства основной единицей поселения стало село (аул). Кроме того, многие ученые-кавказоведы также приравнивали создавшиеся в XVI–XVII вв. в равнинной части Чечни «общества» к «вольным обществам» Дагестана. Следует отметить, что и археолог С.Ц. Умаров отмечал сходство чеченских обществ с вольными обществами Дагестана. Б.А. Калоев называет эти общества «тухумами» и считает, что к концу XVII в. в Чечне насчитывалось 7 тухумов. М.А. Мамакаев, который написал специальную работу, посвященную чеченскому тайпу, для XVI–XVII вв. определил 9 тухумов/тукхумов. Исследователь поставил вопросы: Что представлял собой тукхум? Был ли тукхум родоплеменной организацией? Чеченский тукхум – это своего рода военно-экономический союз определенной группы вайнахов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач, защиты от нападения противника и экономического обмена. В каждый тукхум входило определенное количество тайпов.

Исследователь тайпа С.А. Натаев считает, что чеченский тайп – это не род, а братство – ассоциация родственников и неродственных социальных групп, объединенных едиными социальными, экономическими интересами и мифологическим родством... что тайп по своей социальной сущности

¹ Невская В.П. Социально-экономическое развития Карачая в XIX в. Черкесск, 1980. ² Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. М., 1964. ³ Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. 2. С. 182. Там же. С. 88. Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья // АЭС. Грозный, 1969. Т. 3. С. 178. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // СЭ. 1961. 1. С. 41. Мамакаев М. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1973. С. 15–16.

братство, говорит и сложная структура чеченского тайпа: тайп – гара (ветвь тайпа), некий (линия) от гара, «цхъана цийна нах» – люди одной крови, люди одного дома), «доззал» – семья¹.

Проблема характера и социальной структуры чеченского общества имеет значение при определении социальной сущности господствующей формы. Отметим, что сельская община чеченцев не стала предметом специального изучения в этнографическом плане не только для периода Средневековья, но и в рамках дореволюционного периода.

В сельской общине чеченцев в XIX в. основной формой семьи была малая индивидуальная семья, несмотря на то, что все еще продолжали бытовать в качестве пережитков и большие семьи. Большие семьи рассматриваемого периода (XIX – начало XX в.) отличались, по нашему мнению, от семейной общины более раннего периода не только в структурном отношении, но также и внутренней организацией, являясь составной частью общественной структуры. Тайповые отношения наложили свой отпечаток на социальную структуру общины XIX в., поскольку не было четко выделенных граней между социальными различиями обществ, так как затухала классовая дифференциация, что в свою очередь способствовало тому, что дореволюционные авторы отрицали существование в Чечне социальных слоев и классов вплоть до середины XIX в.

Исследователь Б.Б. Нанаева, рассматривая систему социальных институтов в традиционном чеченском обществе, указывает, что «важным шагом в развитии общественной организации чеченцев стал переход от родственного к территориальному принципу расселения...»². Но с другой стороны, на наш взгляд, нельзя полностью согласиться с ее мнением, что «органической частью этих общин оставалась родовая структура»³.

Аульная община объединяла всех ее членов, которые считались коренными жителями. Правда, в чеченских селениях жили и пришлые – «Лебахкинчинарш» – временно проживающие, не имевшие права голоса, земельного пая и т.д., и их численность постоянно увеличивалась за счет крестьян из горных аулов, которые, гонимые безземельем и нуждой, пытались улучшить свое материальное положение. Если переселенцы с гор и другие безземельные жители плоскостных селений в более ранний период традиционно свободно принимались в общину, то с конца XIX в. их стали притеснять, не выделять земельные паи, подвергая и другим притеснениям. Их заставляли платить обществу, в пределах которого те жили, определенную плату за проживание, за выпас скота, а также выполнять разные общественные функции.

¹ Натаев С.А. Чеченский тайп: сущность, структура и социальная динамика: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2010. С. 14. ² Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М.; Ростов-на-Дону, 2012. С. 100. ³ Там же.

Так, житель с. Шалажи С. Чапаев в своем прошении указывал, что он вместе с 5 взрослыми сыновьями (перечисляются их имена), 2 внуками и 4 взрослыми женщинами (т.е. это была большая семья), не имея земельного участка, не имеет прав, проживает в селе временно проживающими; члены его семьи вынуждены «быть рабами каждому, имеющему голос на общественном сходе»¹.

По своей структуре сельская община чеченцев во второй половине XIX в. была сложной, постоянно развивающейся соседской организацией. Входящие в состав аульной общины малые и большие семьи относились к разным тайпам², не связанным родством друг с другом.

С.Н. Натаев пишет, что в середине XIX в. многие функции тайпа социального, хозяйственного характера берет на себя семья (отцовская семья) и кровнородственная группа «цхъ-ана цийна нах», а родственные группы «гара» и «некъи», не обладая реальными социальными функциями, были генеалогиями, регулировавшими семейно-брачные отношения чеченцев³. Дагестанский исследователь М.-С.К. Умаханов пишет, что «основной целью создания союза сельских обществ являлась защита интереса всех входивших в его состав сел от посягательства со стороны других союзов или феодальных владений».

Так, в разговорной речи и при характеристике взаимоотношений у чеченцев встречались термины: «обзда» тайпа, «лакхара» тайпа – т.е. знатная, высшая тайпа, а также «лахара» тайпа – низшая тайпа. Свое наименование тайп получал от какого-то одного предполагаемого предка, т.е. каждый из тайпов имел свое «родовое» имя. Кроме того, знатный или высший тайп в Чечне должен был иметь свою родовую гору «лам» и башню – «Гала», или «бЮв-Гала» (жилая башня, т.е. видимо, свое селение, город и «бЮв» – боевое, «бЮ» – войско). Например, тайп Дишни имел гору «Дишни лам», тайп Соной – «Соной лам», Чермой – «Чермой лам» и т.д. Имелись также и тайповые башни. Исследователи склонны считать, что эти башни уже в XVI в. не были собственностью всего тайпа, а принадлежали только его феодальной верхушке. В названиях остатков таких башен до настоящего времени сохранились имена их первых владельцев. Видимо, с этим было связано и то, что не все члены общины имели право строить «свою башню», а только представители высшего тайпа. Например, «Ирезин-Гала» (Иреза – чеченское мужское имя) или же

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 11. Д. 704. Л. 25. ² Тайп – группа людей или семейств, считавшихся находящимися в родственных отношениях друг с другом. Объединялись они по отцовской линии, возводя свое происхождение к одному предку. ³ Натаев С.А. Указ. соч. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана

в XVII в. Махачкала, 1973. С. 7. Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. 2. С. 78. Вагапов Я.С. Изображение феодальной верхушки Чечни в эпических песнях // АЭС. Грозный, 1963. Т. 2. С. 55–73.

«Утин-Гала» (город, или башня, некоего Ути) и т.д. Примечательно, что в памяти и в преданиях чеченского народа сохранилось довольно отрицательное, негативное отношение к владельцам этих башен¹.

В XVI – начале XVIII в., судя по косвенным указаниям источников, чеченская тайповая община еще не знала далеко зашедшего классового расслоения, хотя и наблюдалось некоторое социальное неравенство, порождаемое стремлением тайповых предводителей («хьалханча») захватить богатства, принадлежащие всему тайпу. «В конце XVIII в. социальный организм чеченского общества, не зная еще четкого классового деления, был вместе с тем глубоко расчленен и представлял собой общество с различными социальными группами, враждовавшими между собой»².

В XIX в. община, состоявшая в прошлом только из равноправных членов, основательно разложилась и стала представлять довольно сложную структуру, в которую входили относительно самостоятельные землевладельцы и скотоводы, имевшие в своей собственности даже рабов. Соответственно обострялись внутритайповые противоречия по вопросам земли, пастбищ и т.д. Таким образом, развивался процесс разложения общины. Еще в начале XIX в. социальная структура чеченского общества была расчленена и представляла собой общество с различными социальными группами, находившимися нередко в недружелюбных отношениях.

О том, что уже в XVII в. в среде чеченского народа имелось социальное неравенство, писал П. Бутков: «значительная часть чеченских “свободных узденей” была закреплена... несмотря на принадлежность к сословию свободных, вынуждена была нести в их пользу различные повинности»³.

Внутри тайпа выделялись также социальные слои, как «обзда-нах», «тоьлла-нах», «бехаш-нах» (знатные, лучшие, благородные, богатые люди) и «юкьяр-нах», «тару йолуш болу нах» (средние люди, имеющие достаток люди), а также «лахара нах», «кьен нах» (низшие, бедные люди). В одном и том же тайпе, даже «высшем», были налицо все эти социальные слои, различавшиеся между собой как в хозяйственной, так и общественной жизни.

Процесс разложения тайпового строя вел к ярко выраженному классовому неравенству в чеченских обществах, причиной чего являлось развитие производительных сил и производственных отношений, которые в рамках существовавшего тайпового строя не могли дальше существовать. Обычаи старого родового общества – адат – стали, с одной стороны, как бы отрицать себя и противоречить себе, а с другой – приспосабливаться к изменяющимся условиям, включая все новые и новые нормы права. Соседская община, раньше объединявшая в своем составе только равноправных членов, уже давно разложилась и в нее уже входили крупные землевладельцы и скотово-

¹ Там же. С. 53–74. ² Мамакаев М.А. Указ. соч. С. 47. ³ Бутков П. Материалы по новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 2. С. 27.

ды, имевшие в своем распоряжении рабов, захваченных во время набегов на другие общества. Представители различных слоев начинали борьбу как внутри самой общины, так и с другими общинами за земельные и пастбищные территории, лесные угодья, тайповые горы и т.д.

Несмотря на то, что тайп формально в какой-то мере был еще един, т.е. его члены собирались для торжественных случаев, оказывали помощь друг другу в случае необходимости при чрезвычайных случаях и т.п., в действительности же внутри тайпа господствовало четко выраженное неравенство. Чеченская тайповая знать образовалась из разбогатевшей верхушки предводителей, имевших вначале родовые привилегии, полученные ими сначала по адату, а затем признанные царской администрацией. Причем начало оформления слоя знати следует

относить к более раннему времени, чем вторая половина XIX в. Начиная с XVI–XVII вв., как свидетельствуют жалованные грамоты русских царей, за старыми княжескими фамилиями кабардинского, дагестанского и др. происхождения были закреплены на плоскости большие земельные владения. В конце XIX в. князья Бековичи-Черкасские имели уже 6350 дес. земли, Алхазовы – 2800 дес., Эльдаровы – 1400 дес., Таймазовы – 6550 дес., Турловы – 2800 дес. и т.д.¹ Эти фамилии стали полными и безраздельными собственниками пожалованных им земельных владений, имея право продавать, дарить, сдавать в аренду; они могли также лишить члена своей фамилии права пользования выделенными земельными участками и т.д. Частновладельческие земли имелись и у других лиц – отставных генералов, офицеров, чиновников и т.п. Существовало мнение, что для рядовых горцев (низшего сословия) «большой земельный надел положительно будет вреден. Изобилие земли даст им возможность пренебрегать ее возделыванием и заниматься усиленным скотоводством. Этот промысел, когда он берет первенство над земледелием, приучает жителей к праздности, а отсюда развивает в них страсть к хищничеству»². Именно на эти слои опирался царизм в период Кавказской войны и после покорения Чечни, находя в них свою опору и поддержку, поскольку их классовые интересы в эксплуатации чеченского населения совпадали. Местной знати царская администрация даровала дворянские и офицерские чины, земли, награждала их высокими жалованиями и почетными должностями. «Число таких (привилегированных. – З.Х.), отмеченных русским правительством, очень невелико. Всех семейств, привилегированных вместе с кумыкскими и русскими дворянами, имевших оседлость на чеченской территории 126–150 семейств», – отмечал Е. Максимов. Земли, которыми их наделяла администрация, были, естественно, отняты у чеченской бедноты.

Основную же массу членов аульных общин составляло среднее сословие «юкбар-нах», являвшееся промежуточным звеном между высшим и низшим

¹ Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 119. ² ЦГИАГ. Ф. 545. Д. 3392. Л. 60.

сословием, отличия между которыми были достаточно существенными. Члены высшего сословия назначались и выбирались на административные должности (старейшинами, судьями и т.п.) и разными путями освобождались от всех общинных повинностей и налогов. Имея большие запасы собственной земли, аульная верхушка в то же время наравне с рядовыми общинниками владела общинными наделами и пастбищами, тем самым ущемляя интересы рядовых общинников. Например, доверенные с. Гойты в 1904 г. писали в прошении о том, что «наиболее сильные и влиятельные притесняют нас»¹.

Аульная община объединяла в своих рядах всех полноправных членов, считавшихся «первопоселенцами», т.е. коренными жителями аула. Тем не менее в ее рядах, помимо коренных жителей, находились и «чужаки» – пришлые или временно проживающие «Лебахкинчинарш». Как уже отмечалось, их ряды постепенно пополнялись за счет безземельных крестьян из горных районов. Уже с конца XIX в., особенно зажиточная верхушка, стала отказывать им в подобном приеме, подвергая вновь пришедших нещадной эксплуатации, основанной на праве «отсутствия земли» у них. Эти «новые» поселенцы должны были платить сельскому обществу, в пределах которого жили, определенную мзду за проживание, за выпас скота, выполнять различные общественные повинности, причем самые тяжелые сваливались на них. Размер повинностей «временно проживающих» определялся на сельском сходе, шедшем на поводу у богатеев. Так, в прошении начальнику Терской обл. «временно проживающие» с. Базоркино, группа жителей из 13 человек, писали, что они живут в селе уже более 15 лет и все это время платили то, что с них требовалось, кроме того, платили и там, где они считались коренными жителями. Живя во дворах и усадьбах родственников, эксплуатирующих их, и платят высокие налоги (до 20 руб. в год с каждого хозяйства), они пришли в крайне тяжелое состояние. Наконец, в 1905 г. общество еще более увеличило плату с них².

Рассмотрим социальную организацию аульной общины и отразим ее в виде схемы³.

Следует отметить ряд сословных особенностей, существовавших в чеченской общине. Так, «юктыр-нах» – среднему сословию из высшего тайпа – предпочитают даже богатые люди из низшего или пришлого тайпа, несмотря на то, что средние сословия из высшего и низшего тайпа, казалось бы, стояли на одинаковых ступенях социальной лестницы. Естественно, что бедные, как из тех, так и из других тайпов, постоянно находились в нужде, хотя и были «родовитее» тех, кто относился к высшему типу. Однако, несмотря на такое «родство» и чисто внешние связи, бедные почти не ощущали его, поскольку оно распространялось лишь на семьи богатых однотайповцев.

¹ ЦГА СО-А. Ф. 11. Оп. 3. Д. 5500. Л. 1. ² Там же. Д. 64. Л. 61. ³ Схема составлена на основе полевого материала.

Социальная структура аульной общины

Аульная община

«лакхара тайпа» «тола», «бухара тайпа» – высшая знать «лахара», «хинцалера» тайпа – низшая, некоренная община «оьзда нах», «тоьлла нах» – знатные люди «оьзда нах» – знатные люди «гmbh нах» – средние люди «юко за нах» – средние люди «къен нах» – бедные люди «къен нах» – бедные люди «юки-ра нах» – средние люди «бахам хилла нах» – разбогатевшие люди «къен нах» – бедные люди

Все это свидетельствует о том, что в аульной общине чеченцев рассматриваемого периода сохранилось и росло классовое расслоение. Исследователь Ш.Б. Ахмадов пишет и об узденях: «узденъ – это не только состоятельный и влиятельный человек, но и представитель обездоленной части населения вайнахов. Не случайно князья, владельцы и старшины в селе стремились опереться на знатных и влиятельных кавказских узденей, которые пользовались в обществе большим авторитетом вследствие своего имущественного положения»¹. Он также отметил, что в различных конкретно-исторических условиях социальное значение термина «узденъ» менялось².

Крайне незначительную прослойку в чеченском обществе составляли «лаи» – рабы и их потомки. Наши полевые материалы свидетельствуют о том, что в некоторых селениях до настоящего времени помнят фамилии рабов и их потомков. «Уьш лай хиллера» («Они были рабами») – говорят о них до настоящего времени³. В рассматриваемое нами время (XIX – начало XX в.), судя по нашим полевым материалам, к таким семьям подходили и напоминали им о их происхождении: «Хьуна хьо мила вуй хайй, хьо лай тайпана вуй хайй хьуна» – «Знаешь ли ты о своем происхождении, знаешь ли ты о своем лайском происхождении?» и т.д. Как говорили наши информанты, это было необходимо для того, чтобы эти люди не забывались и вели себя, как подобает людям их происхождения.¹ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX в. Грозный, 2002. С. 187. ² Там же. ³ ПМА. Информанты: Мадаева Петимат, 96 лет, с. Толстой-Юрт; Иризиев Ваха 80 лет, с. Герменчук и др.

XX в.), судя по нашим полевым материалам, к таким семьям подходили и напоминали им о их происхождении: «Хьуна хьо мила вуй хайй, хьо лай тайпана вуй хайй хьуна» – «Знаешь ли ты о своем происхождении, знаешь ли ты о своем лайском происхождении?» и т.д. Как говорили наши информанты, это было необходимо для того, чтобы эти люди не забывались и вели себя, как подобает людям их происхождения¹. С. Броневский², Ф.И. Леонтович³, Н.Н. Харузин, Н. Тульчинский, Г.А. Ткачев и др., находясь под влиянием распространенной в то время концепции о неразвитости отношений патриархального рабства, писали о его наличии в Чечне как о чуть ли не сугубо «семейном» институте. Нам представляется, что вряд ли можно полностью согласиться с их утверждениями о том, что со временем «лай» получал все права членов семьи и тем более имел возможность жениться на дочери или родственнице своего хозяина и навсегда водвориться в его доме, как полноправный член семьи. На самом деле сословные отношения в чеченской общине надолго сохраняли за «лаями» положение зависимой катего-

рии лиц. Так, В. Солтуханов из с. Горячеводска, согласно нашим полевым материалам, говорил: в большинстве случаев «лай» умирал, так и не женившись.

При всей кажущейся внешней замкнутости отношений внутри чеченских тейпов было деление на бедные и богатые семьи. Среди семей встречались такие, которые имели в своем владении значительные земли, использовали наемный труд соотечественников, эксплуатировали рабов. В то же время были семьи, которые не располагали средствами производства. Вполне обоснованы предположения тех исследователей, – полагает исследователь З.А. Гелаева, – которые считают, что княжеская верхушка в Чечне была в значительной мере изгнана еще в XVI–XVII вв. широким антифеодальным движением.

С. Броневский писал, что «чеченцы не имеют своих князей, коих они в разное время истребили, а призывают таковых из соседствующих владений Дагестана и Лезгистана, но сии князья мало пользуются доверенностью и уважением». «Однако слабость позиции пришлых князей, – указала историк З.А. Гелаева – не означала, что их вообще не было. Документальные источники фиксируют в XVI–XVIII вв. чеченских феодалов под различными наименованиями: мурз, беков, владельцев».

¹ ПМА. Информант Мадаева Петимат, 96 лет, с. Толстой-Юрт, 1980 г. ² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. 52. ³ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1883. Ч. II. Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1888. Вып. 3. С. 117. Тульчинский Н. Пять обществ Кабарды // ТС. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 44. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы. Владикавказ, 1911. С. 44. Гелаева З.А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII–XX вв. Махачкала, 2013. С. 78–79. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. 52. Гелаева З.А. Указ. соч. С. 79.

Нельзя согласиться с утверждениями названных авторов об отсутствии у чеченцев сословного деления. Об этом, в частности, говорят многочисленные примеры сословного «табеля о рангах» среди тех или иных чеченских тайпов, а также особое отношение к «лиам» и их потомкам, заключающееся не только в нежелании родниться с ними, но и в бытовании отдельных унижительных для «лаев» обычаев. Так, в некоторых селах, по рассказам информантов, в лайские семьи иногда заходили люди из высшего сословия и напоминали им, что они «лай» и никогда не должны забывать, «кто они». Дети из семей «обзда нах» бросали камни на крыши и в окна бывших «лаев», закрывали им дымоходные трубы; наконец, молодежь селения, приходя в гости в семьи бывших лаев, заставляла их, основываясь на обычае гостеприимства, устраивать для себя обильное угощение и вечеринки «синкьерам», причем такое случалось еще в первые годы советской власти¹. Примечательно, что слово «лай» – «раб» говорит само за себя (оно происходит от чеч. «ла» – «терпеть»).

Таким образом, подводя итог, отметим, что в рассматриваемое время по своей структуре сельская община чеченцев в XIX в. была сложной организацией, так как в ее состав входили разные социальные группы и слои, составляющие аульную общину, малые и большие семьи.

Почти у всех народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. преобладала сельская территориальная община, имевшая у чеченцев название «джамаат» (в прошлом «тайп») и населявшая аул – «эвла», «юрт». В прошлом, когда юрт заселялся родственными семьями, название села и общины совпадало (например, Бенной эвла (Бенной тайп), Макажой юрт (Макажой тайп), Аллерой юрт (Аллерой тайп) и т.д. Это явление наблюдалось и у других народов Северного Кавказа, как было отмечено выше.

Кроме того, все плоскостное и горное население Чечни входило в особые территориальные объединения, известные в этнографической литературе под названием «тукхум». Так, по мнению М.А. Мамакаева, к концу XVII в. в Чечне насчитывалось 9 тукхумов. Он также сделал попытку дать определение этой организации: «Чеченский тукхум – это своего рода военно-экономический союз определенной группы вайнахов, не связанных между собой кровным род-

ством, но объединяющихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена»².

Высказывание М.А. Мамакаева о том, что тукхум у чеченцев – не кровнородственная организация, подтверждал на примере дагестанских народов Х.-М. Хашаев, который писал: «как свидетельствуют публикуемые нами документы, в дагестанский тукхум могли входить не только родственники,

¹ ПМА. Информанты: Темишева Совдат, 1888 г.р., с. Толстой-Юрт. 1981 г.; Ирисханова Хазан, с. Герменчук, 1990 г.; Дурдиева Медина, 1923 г.р., г. Грозный, 1989 г. ² Мамакаев М.А. Указ. соч. С. 15–16.

но и лица, происходящие от других тукхумов... Тукхум XIX в. не знает ни общности производства, ни общности потребления¹! Об отсутствии внутри тукхума кровного родства говорит и тот факт, что закон кровной мести был не обязательным и браки между членами одного тукхума не воспрещались. Таким образом, тукхум – это не кровнородственный союз, а объединение определенной группы тайпов, связанных единством территории и, может быть, языка (диалекты могли быть разные). Думается, что слово «тукхум» равнозначно термину «племя». В пользу этого предположения говорит и то, что до настоящего времени о человеке, который имел мало родственников, говорили (и говорят): «Цу стега тайпа, туккхам дац» – «У этого человека нет ни роду, ни племени»².

В каждый тукхум входило разное число тайпов («тайп» – объединение людей, происходящих от одного общего предка, т.е. кровнородственная, экзогамная группа людей). Само слово «тайп», как нам представляется, вошло в чеченский язык вместе с исламом, так как до его появления у чеченцев бытовало другое слово, соответствующее ему, – «ваьр», что означает «рожденный»³.

Вопрос о тукхуме на Кавказе – давний вопрос. Им интересовались еще в XIX в. такие видные теоретики права, как М.М. Ковалевский и Ф.И. Леонтович. В своих работах, посвященных праву и родовому строю кавказских горцев, они утверждали, что тукхум в Дагестане – это род. М. Ковалевский считал, что «тукхум» – иранский по происхождению термин. Существует установившееся мнение, что термин «тукхум» – тюркского происхождения и на Кавказе появился с проникновением ислама, являясь обозначением семьи. У многих народов Кавказа он употребляется для обозначения родственных групп. Слово «тукхум», как считает М.А. Мамакаев, употребляется в чеченском языке для обозначения союза племен. Нам же представляется, что его происхождение местное, так как слово «текхана» – «ползти», «оползень» на чеченском языке обозначало также «спуск». Так, «Абу кІентий лам чўра оха техна» – «Сыновья Абу спустились с гор» (букв. «сползли»). Возможно, термин «техна» ассимилировался со словом «тукхум» и вошел в чеченский язык.

М.О. Косвен полагает, что термин «тайп» у чеченцев никогда обозначал патронимию. Думается, что с изменением исторических условий менялось и социальное содержание термина «тайп», под которым первоначально подразумевался род, а впоследствии этот термин стали употреблять для обозначения как рода, так и общества, сельской общины, нередко всего села

¹ Хашаев Х.-М. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1957. ² Хасбулатова З.И. К вопросу о терминологии объединений людей чеченского общества в XIX веке // Труды Грозненского гос. нефтяного института. Вып. 2. Грозный, 2002. С. 405. ³ Мамакаев М.А. Указ. соч. С. 20–22. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 45.

(независимо от его фамильного состава), а иногда и всего народа. Патронимия у чеченцев известна под именем «гар», у ингушей – «ваьр», у народов Дагестана – «тукхум». Как считают исследователи, патронимический тип социальной организации существовал в условиях сложившегося классового общества, в котором род как таковой уже не мог играть определяющей роли¹.

М.А. Мамакаев отмечал, что «в представлении чеченцев тайп никогда не рисовался как малая группа людей. Поэтому нам кажется, что слово “тайп” никак не может быть употреблено для обозначения патронимии – небольшой группы близкородственных семей... для обозначения патронимии у чеченцев, скорее всего, может быть употреблен другой термин, а именно “гар” – следующая ступень после тайпа, обозначающая небольшую группу близкородственных семей по отцовской линии»². Итак, в изучаемое время термин «тайп» уже не сохранял своей прежней социальной сущности и употреблялся в различных смыслах – «село», «сельская община». Всего тайпов в середине XIX в., по сведениям исследователя чеченского тайпа М.А. Мамакаева, было 135, они образовывали 9 тукхумов³.

Если рассматривать термин «тайп» более детально, то он распадался на «гары» – ветви, а те в свою очередь – на «некъе» – дорожки. С.-М. Хасиев отмечает, что «гары» и «некъи» часто смешивались и что в горах термин «тайп» почти не находил употребления. Наши полевые материалы 1980–1990 х годов также подтверждают тезис С.-М. Хасиева, что в горах в большей степени были распространены термины «гар» и «некъи», например: Юнус гар, Байкаш гар, Калой гар.

Известный филолог К.З. Чокаев отметил, что типовые названия нередко являются отражением профессиональной деятельности людей. Он также предполагает, что за наименованиями чеченских тейпов можно разглядеть и социальный смысл, их былое неравенство. Так, по мнению исследователя, название тайпа «белгатой» означало «те, кто работал на кого-то», а «ялхой» – «ялхой тайп» – сословие, которое выплачивает подать, ясак.

У дореволюционных авторов мы также находим утверждения: «большим влиянием на общественные дела у всех чеченцев пользовались и продолжают еще пользоваться чонгури – балалаечники, некто вроде народных ораторов». Примечательно, что здесь речь идет об объединении людей по профессиональному признаку, которое впоследствии могло трансформироваться в

¹ Робакидзе А.И. Особенности паронимической организации у народов горного Кавказа // СЭ. 1968. 5. С. 96. ² Мамакаев М.А. Указ. соч. С. 11–12. ³ Там же. ПМА. Информанты: Яндарова Табарик, Веденский р-н, с. Ведено, 1987 г.; Хакиев Хасан, 1893 г.р., с. Макажой, 1983 г.; Мусайханова Язану, 74 г., с. Ца-Ведено. 1985 г.; Гацаева Петимат, 78 лет, с. Ца-Ведено. 1980 г. и др. Чокаев К.З. Географические названия Чечено-Ингушетии // Архив ЧИНИИ. Отдел рукописей. Ф. 1. Оп. 1.

тайповое. Исследователь Л. Ильясов пишет, что «для того, чтобы говорить о роли тайтово-тукхумной организации в истории Чечни, нужно определить, что мы имеем в виду под понятием “тайп”, и “тукхум”. Эта проблема является сложной и запутанной и до сих пор не получила более или менее ясного решения»¹.

Как отмечал М.О. Косвен, констатация и изучение родовых группировок на Кавказе усложняется и затрудняется тем, что у многих кавказских родов для обозначения этих группировок употребляется иногда целый ряд терминов, как местных, так и заимствованных из других языков. Различные исследователи понимали под этими терминами и фамилию, и отдельные общества, и род, и родовую общину. Но чеченский тайп в своем классическом варианте не является ни патронимией, ни родом.

У чеченцев существовал термин «вар» – род (этот термин, кстати, сохранился у ингушей, но уже в ином значении). Он гораздо ближе по своей структуре и содержанию к понятию рода. Вар – это кровнородственная организация, все члены которой восходят к реально существовавшему единому предку. Подтверждением этому может быть реликтовое понятие, сохранившееся в чеченском языке в идиоматических выражениях: «Вари да» – «отец рода, прародитель», хотя народная этимология часто переосмысливает его в «ворхи да» – «отец семерых» (имеется в виду семь поколений), но вполне вероятно, что «вар» – род и «ворх I/вархИ» – «семь» восходят к одному корню². Определение М. Мамаковым тейпа как патриархальной экзогамной

группы людей, происходящих от одного общего предка, более подходит к понятию «вар» или более позднего «некъи»³.

Тейпы также имели общего предка, но легендарного, мифологического.

Как было отмечено, в конце XIX – начале XX в. тайпы подразделялись на благородные, или знатные – «оьзда тайпа», «лакхара тайпа»; низкие тайпы, люди низкого тайпа – «лахара тайпана нах». В каждый тукхум, например, входило несколько (от 5 до 20) тайпов.

Рассмотрим вкратце стратификацию сельской общины чеченцев. Следует отметить, что община пореформенного периода значительно отличалась от той, которая существовала у чеченцев в дореформенное время. В нее входили только свободные общинники, которые, однако, по-своему социальному положению были неравноправными. Аульская община в рассматриваемое время носила сословный характер. Там были «тоьлла нах» – лучшие люди, «юкь-ара нах» – средние люди, «лахара нах» – низшие люди. Основную массу аульской общины составляли «юккьера нах» – среднее сословие, состояв-

¹ Ильясов Л. Чеченский тейп // Чеченская республика и чеченцы: История и современность. М., 2006. С. 177. ² Там же. ³ Там же. Мамакаев М. Указ. соч. С. 22.

шее как из представителей обедневших тейпов «знатного» происхождения, так и из низших, но добившихся определенного обогащения.

Особую социальную прослойку в то время еще составляли люди, которых называли «лай», «лаи» (раб, рабы), хотя они и не были рабами в полном смысле этого слова. Это были домашние работники хозяина, ухаживающие за скотом, выполняющие полевые работы и др. Эта социальная прослойка создавалась в течение длительного времени из поколения в поколение из военнопленных, из чужих племен или беглых. Дети их постепенно оценивались, принимали местные обычаи, нравы, но они никогда не могли стать равноправными, их в любое время, на любом месте могли оскорбить одним словом – «лай». Они не имели права в присутствии «свободных» горцев давать сдачи, обязаны были покорно сносить оскорбления и издевательства. По истечении определенного времени, когда хозяин убеждался в добросовестной службе своего раба-лая, он мог закрепить за ним небольшой участок земли, установить натуральную ренту и разрешить обзавестись семьей. Так, наши полевые материалы, как было отмечено, говорят о том, что во некоторых селениях до настоящего времени помнят фамилии потомков лаев.

Нам представляется, что вряд ли можно полностью согласиться с утверждением некоторых дореволюционных авторов (С. Броневский, Н.Н. Харузин и др.)¹, что «лай» получал со временем все права, так как процесс ассимиляции пленников был в действительности процессом их закрепощения. Освобожденные от рабства, но прикрепленные к земле, они продолжали выполнять в пользу своего хозяина определенные работы и оказывать главе семьи «Цен да» личные услуги, постоянно напоминая ему о его сословной неполноправности. Не случайно в общине продолжали называть лаем не только бывшего раба, но и его потомков. Таким образом, в дореформенной Чечне аульская община состояла из свободных и несвободных. Свободные, в свою очередь, делились на «оьзда нах» – благородные, знатные люди (или высшее сословие) и «лахара нах» – низшее сословие, куда входили люди рабского происхождения – «лай нах», а также «лебахкинчинарш» – пришлые люди. Люди низшего сословия не имели права голоса и не принимали участия в жизни общины. После реформы община считалась всеобщей, объединяя лиц всех сословий, в том числе и бывших рабов. Но, с другой стороны, появилось новое деление: на коренных и пришлых (временно проживающих) – «лебахкинчинарш», которые не имели права голоса на общинном сходе и не получали земли от общества.

Таким образом, подводя итог сказанному о социальной структуре аульской общины, отметим, что к XIX в. сельская община могла быть двух типов: состоящая из жителей одного селения и состоящая из жителей нескольких

¹ Бронеvский С. Указ. соч. С. 52; Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. Вып. 3. М., 1888. С. 117.

селений. Например, Минойское общество включало в себя одно старое селение, состоящее из 221 двора¹, а Аллеройское общество, возникшее вследствие административного укрупнения – 7 селений с хуторами и выселками, и имело 399 дворов².

Характер поселений и их местоположение во многом определялись топографическими особенностями рельефа, что особенно сказывалось на типах старых чеченских аулов, возникших до 60-х годов XIX в. Так, в горных районах Чечни преобладали небольшие поселения хуторского типа, встречаются и у других народов Северного Кавказа, например, у горных адыгов и абхазов³. Кроме того, имелись и горные труднодоступные аулы, как бы состоявшие из нескольких слившихся хуторов. Они располагались около горных речек, очень часто с крутыми обрывистыми берегами, на небольших участках земли, пригодной для возведения построек, число которых зависело от общей площади селения (так, в горных районах число дворов в аулах было меньшим, нежели в предгорных и плоскостных селениях).

До 1860-х годов чеченские аулы, как правило, сохраняли однородность своего этнического и типового состава: карачаевцы не смешивались с черновцами, диснеевцы с ленинцами и т.д., поселяясь отдельно друг от друга по разным аулам. Однако после Кавказской войны в характере чеченских поселений произошли существенные изменения: исчез хуторской тип, изменилась планировка аулов, нарушалась однородность этнического состава и т.д. Все это было связано с политикой царизма на Северном Кавказе, которая выражалась в массовом переселении жителей с гор в предгорные и равнинные районы, а также в укрупнении плоскостных селений. Новые аулы, создаваемые царским правительством путем укрупнения старых, хотя частично и совпадали с прежними селениями по местонахождению, но характером уже отличались от прежних аулов. Установлено было, чтобы любое поселение горцев насчитывало не менее 200 дворов.

Следует еще раз отметить, что одной из характерных черт чеченской аульной общины во второй половине XIX в. стала ее этническая неоднородность и сложный состав, т.е. в рамках вновь созданных путем укрупнения селений по существу находилось 2–3 и более самостоятельных в прошлом общин или их частей. В этом случае села делились на кварталы по типовым признакам. Так, с. Старый Юрт (ныне Толстой-Юрт) состояло из 8 кварталов («куп» или «юкъ»): Кей-юкъ, Акхий-юкъ, Лаха-Зандкой-юкъ, Лакха-Зандкой-юкъ, Лаха-Англой-юкъ, Лакха-Англой-юкъ, Чартой-юкъ, Харачой-юкъ (см. схему). Эти кварталы со своими названиями практиче-

¹ Труды комиссии... С. 274–275. ² Там же. С. 276–277. ³ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов... С. 20–22. РГИА СПб. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2378. Л. 1–440. ЦГИАГ. Ф. 545. Д. 27. Л. 63. ПМА. Информанты: Уматтириева М., 1899 г.р., с. Толстой-Юрт, 1981 г.; Тепсуев Тута, с. Толстой-Юрт, 1981 г. и др.

ски сохранились до наших дней. Квартал, т.е. «куп» или «юкъ», был, с одной стороны, структурной частью села, с другой – частью аульной общины, территориальным соседским объединением. Поскольку подобные «купы» образовывались в результате укрупнения аулов, с самого начала складывалась относительная самостоятельность их внутренней жизни. Это проявлялось, в первую очередь, в том, что производственно-экономические связи между кварталами были весьма неустойчивыми, вследствие этого их обособленность и замкнутость сохранялись довольно длительное время.

В каждом ауле обычно имелась одна общая сельская мечеть, но и в каждом квартале, как бы подчеркивая их самостоятельность, были свои квартальные мечети, о чем уже говорилось выше. Самостоятельность и изолированность аульных (тайповых) купов проявлялась не только в сфере идеологии (в данном случае – в религии), но и в повседневной производственно-трудовой деятельности. Так, различного рода трудовые общества обычно создавались

преимущественно жителями одного квартала. Такие вопросы, как перераспределение земли между жителями квартала, наем общей квартальной пастуха, а также поведение членов квартала и т.п. обсуждались жителями квартала сообща.

Более важные вопросы, имевшие общительный характер, как, например, отпуск или изгнание какого-либо лица из общины за его аморальное поведение или же прием в общество нового члена/чищ и угодий, выносились на обсуждение всей общины¹. В «Положении» о сельском обществе говорится о том, что «Раскладку сбора между жителями предоставлялось делать самим аульным обществам...»². Общительный характер носили, как было отмечено выше, и правовые дела по поводу нарушения общинных норм адата (например, убийство гостя или убийство кровника, которому было объявлено о прощении, надругательство над трупом убитого противника, прелюбодеяние, убийство женщины в результате мести, рубка грушевого дерева и др.). В этом случае общий сельский сход выносил решение о возведении для «общинного проклятья» данного лица карлага³. В карлаги, как мы уже выше отмечали, бросали камни люди разных селений, тайпов, гаров т.е. все те, кто проходил мимо них, произнося проклятье в адрес человека, совершившего тот или иной проступок.

Карлаги, ранее обычно устраиваемые по решению или указанию местных старейшин («къаной») или старейшин страны («мехка-кхелой»), служили инструментом морального воздействия на людей. Люди, в знак осуждения которых были сооружены эти «памятники позора», как правило, вынужден-

¹ ПМА. Информант Алиев А., 1889 г.р., с. Хал-Келой, Шатоевский р-н. 1981 г. ² РГИА СПб. Ф. 573. Оп. 3. Д. 477. Л. 50 об. ³ Саидов И.М. Этнографические заметки (досоветский период) // ИЧНИИИЯЛ. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964. Т. 5. Вып. 1. С. 122–124. Подробнее о карлагах см.: Гл. 1, § 2.

«мат» (стадо, стоянка скота) в составе двух или трех семей. Обычаи, связанные с частной собственностью на землю, запечатлены во многих преданиях. По очень туманному преданию, в Чечне, в далеком прошлом, было проведено что-то вроде земельной реформы. Старики, как они говорят, «боясь ошибиться в передаче предания», не могли рассказать ни подробностей этого передела земли, ни приблизительное время его проведения. На наш вопрос: «Может, десять колен, пятнадцать колен или двадцать колен назад это было?» – они говорили: «Ничего не можем добавить». Их отрывочные сообщения говорят только, что границы между частными участками проводились торжественно, с выполнением каких-то обрядов, которых они не помнят, и с принесением «тяжелых клятв». При этом по устанавливаемой границе таскали огромный котел, в котором можно было сварить сразу двух быков. На каждой меже устраивали общественный пир. Передел земли, по-видимому, проводил совет старейшин. По преданиям, записанным нами в бывшем Галанчожском р-не (1961 г.), любому человеку хорошо была видна и строго соблюдалась священная граница земельного владения каждого собственника. На землях темного цвета ставился в качестве межевого знака белый камень, а на землях светлого цвета – черный камень¹.

О том, что в далеком прошлом у чеченцев была частная собственность на землю и участки разделялись между собой межевыми границами, отмечает и исследователь Б. Далгат. Он писал, передавая рассказ информанта, что границы «между землями соседних фамилий определялись камнями, называемыми “ардырж”, отстоящими друг от друга на расстоянии ½ версты. Когда ставят эти камни, ... призывают святого в свидетели и проносят значок по границе, говоря: “Кто сдвинет эти камни, пусть тот будет проклят, пусть беда преследует его и его потомство всегда”. Тот, кто ставил камни, произносил клятву: “Божусь высшим Богом и высокоуважаемым «Цу» (языческий святой. – З.Х.) божусь, что я ставлю эти ардырж на своей, а не на чужой земле”»².

По сведениям многих наших информантов старшего поколения, а также и по материалам И.М. Саидова, поливное земледелие появлялось главным образом там, где частная собствен-

ность на землю становилась основной, т.е. господствующей. Из тех же источников известно, что поливное земледелие в Чечне стало внедряться задолго до Кавказской войны. Об этом писали и некоторые дореволюционные авторы, занимавшиеся этой проблемой. Так, Г. Властов писал, что Чечня известна «множеством каналов для орошения полей»³.

Другой наш информант из с. Махкеты Алавди Гайсумов говорил: «Каждая семья имела земли столько, сколько она могла очистить от леса,

¹ Саидов И.М. Указ. соч. С. 164. ² Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ, 1893, Вып. 3. Кн. 2. С. 94. ³ Властов Г. Война в большой Чечне // Русский инвалид. 1885. 159. 19 июля.

обработать»¹. Действительно, в чеченской сельской общине в дореформенный период действовало заимочное право. В свое время А. Кауфман установил, что заимочное землевладение было первоначальной формой общинно-го землевладения у всех народов². У чеченцев право заимки сохранялось в течение длительного времени. Обработанные земли (пахотные участки и сенокосы) на его основе присваивались отдельными фамилиями или группой родственных семей. В отличие от русских помещиков, горские феодалы (в том числе и чеченские) не вели крупного помещичьего хозяйства. Возможно, поэтому характер земельной собственности здесь не был так четко выражен. Представители высшего сословия, будучи членами сельской общины, с помощью чужого труда могли освоить более обширные пространства, чем те семьи, которые сами обрабатывали землю. Высшему сословию «принадлежат в нагорной полосе обширные земельные пространства, заключающие все виды угодий и дающие полную возможность вести самостоятельное хозяйство, независимо от земельных обществ. В настоящее время частные владельцы-помещики, в качестве членов сельских земельных обществ, помимо лично принадлежавших им земель пользуются угодьями наравне с крестьянами...»³. Другая часть общинников («юкьяр нах» – среднее сословие) обрабатывала земельные участки с помощью личного труда, хотя некоторые из них имели своих лаев. Наконец, низшее сословие чеченцев – «лахара нах» (бывшие лаи, а также временно проживающие) – не считались членами общины и поэтому не имели прав на землю, а пользовались участком своего хозяина, внося за это определенную плату.

В целом следует отметить, что до покорения Чечни царизмом здесь существовала частная собственность на землю. Известно, что царизм насильственно вводил, особенно на плоскости, систему периодических переделов земли, но люди сопротивлялись такой системе землепользования: оттягивали сроки переделов земельных участков, ожидая лучшего времени, не забывали границы своих участков. И.М. Саидов привел интересные полевые материалы в отношении межевого камня, бытовавшие у чеченцев еще до военных событий. Он писал, что незадолго до установления советской власти в Чечне некий житель с. Атаги по имени Саи на своей горской двухколесной арбе привез домой камень, найденный в поле, возможно для того, чтобы использовать в хозяйстве. Но он оказался Межевым камнем другой семьи из гара Сингала. Односельчане сказали, что не следовало бы это делать, это ошибка, поскольку нельзя снимать чужой межевой знак. Но поскольку это уже сделано, то следует отвезти камень к потомкам Сингала, поскольку они

¹ ПМА. Информант Гайсумов А., 70 лет, с. Махкеты, Веденский р-н. 2005 г. ² См.: Кауфман А. К вопросу о первоначальных формах общинного землевладения // Сборник правоведения. М., 1896. Т. IV. С. 161. ³ ЦГА ЧИАССР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 390. Саидов И.М. Указ. соч. С. 168.

вряд ли простят этот поступок. Тогда атагинец Саи увез этот камень во двор потомка Сингала, Магамеда сына Джамалда, сына Тахара, и извинился перед ними. Этот камень еще в 1944 г. лежал в качестве ступеньки у дома Магомеда в с. Новые Атаги Шалинского р-на¹, – писал И.М. Саидов.

Как уже отмечалось, царское правительство было крайне заинтересовано в сохранении общинного землепользования и самой сельской общины, этой основной формы общественной организации у народов Северного Кавказа, поскольку община для царизма оставалась наиболее удобной административно-территориальной единицей, и ее сохранение облегчало управление горцами, функционирование полицейской и налоговой системы. Община являлась главным социально-экономическим звеном общественной структуры чеченцев, играла большую роль в их повседневной жизни, составляя в то же время низшую территориально-административную единицу. Разумеется, в отличие от русской земледельческой общины, она имела ряд особенностей и специфических черт, которые объяснялись своеобразием исторических и природно-хозяйственных условий, этническими традициями ее сложения, социальным составом своих членов и другими причинами.

До середины XIX в. в некоторых аульных общинах чеченцев сохранялось право «вольной заимки» или свободного захвата земли. Отсутствие переделов исключало всякое равенство в размерах земельных владений², причем лучшие земельные участки захватывались зажиточными верхами, пользовавшимися большим влиянием в общине, имевшими дополнительную рабочую силу (например, рабов), тягловый скот и др. Зажиточные верхи не только захватывали лучшие общинные земли для своих собственных нужд, но и сдавали эти земли в аренду. Безусловно, вольная заимка ускоряла процессы имущественной дифференциации в чеченской общине, способствуя сосредоточению земель в руках немногих. Тем не менее, одной из важных и главных функций сельской общины было распределение земли среди ее членов. Формы землепользования и землевладения в чеченской общине в исследуемое время были различны: частная собственность отдельных лиц, фамильная собственность (коллективные, общинные земли и угодья). Подтверждение этому мы находим в архивных материалах: «Формы землевладения: подворное, общинное, смешанное и так называемые “родовые участки”»³, – свидетельствует архивный документ конца XIX в.

Комиссия по исследованию землепользования и землевладения у чеченцев выяснила, например, что в конце XIX в. «у всех племен, обитающих в пределах Нагорной полосы, землевладение и землепользование подразделяется на две категории: подворное и общинное. К первой категории относятся усадьбы, пахотные и сенокосные участки..., а ко второй – кроме земель,

¹ Там же. ² РГИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 165. Л. 138. ³ Там же.

находящихся во владении частных лиц, все остальные земли, состоящие во владении сельских обществ»¹. В том же документе отмечается, что «горцам не было присуще понятие об индивидуальной собственности на земли, не подвергшиеся обработке трудом человека. Под влиянием горной суровой природы и скудности земли, годной для хлебопашества, выработались два типа землевладения: каменистая почва, превращенная в культурную землю упорным трудом человека, становилась собственностью лица, производившего очистку от камней, равно расчистку из-под леса, удобрение и орошение. Таковая собственность, по воззрениям горцев (чеченцев. – З.Х.), считается неотъемлемой обычною собственностью (подворною). Все же прочие земли... по изстари сложившемуся обычаю считаются общественной собственностью»². В том же архивном документе сказано: «в Чечне и Ингушетии в сельских обществах на правах подворной собственности состоят пахотные и мелкие покосные земли, подвергшиеся более или менее предварительной обработке; все же остальные земли находятся в общинном пользовании целых селений или в общем неразделенном владении отдельных групп населения»³.

Исследователь земельных отношений горцев Кавказа Е. Максимов отмечал, что первое землевладение считается в Чечне самым священным правом, никто не осмелится оспаривать его. Однако, говоря в этом случае о «вольной заимке», следует отметить, что она не могла происходить только путем индивидуального захвата, так как культивировать новые земли было

невозможно одним лишь индивидуальным трудом малой семьи (тем более в древние времена). Видимо, вначале необходим был совместный коллективный труд родственников или определенной территориальной группы людей. Такое же положение наблюдалось и у других народов Кавказа (например, абхазов). Таким образом, в Нагорной Чечне к исследуемому времени уже не сохранялось общинное владение на пахотные и сенокосные земли, давно уже освоенные упорным трудом коллективов. В общинном владении находились лишь «дикие» пастбища. «В горах нет общинного владения пахотными и сенокосными землями, и каждый участок горной земли составляет отдельную исконную собственность костных лиц, разработанных вековыми усилиями, отвоевываемая ее у дикой природы кровью и потом и постоянно вынужденные великим трудом отвоевывать ее у грозных стихийных влияний. Было бы величайшей несправедливостью взять в казну такие участки и вводить в общинную форму владения землею в горной полосе, как на плоскости. В горах общинные владения существуют лишь по отношению

¹ Там же. Л. 141. ² Там же. ³ Там же. Л. 147. Максимов Е. Чеченцы... С. 52. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми. 1965. С. 387, 395.

одних пастбищных мест и лесных участков. Пахотные и сенокосные участки составляют неотъемлемую, из рода в род переходящую собственность владельцев»¹, – писали о горском землевладении.

В Нагорной Чечне были известны различные формы владения землей:

На правах частной собственности, передававшейся по наследству, находились усадьбы с постройками, пахотные и луговые участки, огороды, фруктовые сады, искусственно орошаемые земли.

Общинные земли, которые были в общем пользовании членов сельских обществ (пастбищные и лесные угодья, неудобные земли).

Тайповые земли, принадлежащие отдельным лицам, группам и фамилиям.

С укреплением своих позиций на Северном Кавказе царизм отобрал в казну, как в Нагорной полосе, так и на плоскости, все «свободные» земли и передал их в ведение «Управления земледелия и государственных имуществ» (земли, богатые полезными ископаемыми, были переданы в Горное ведомство). Все эти земли назывались «казенными» (государственными)².

Также были и мечетские земли (вакуф) – «маьджиган латта», составлявшие пахотные и пастбищные земли, которые принадлежали мечетям. Мечетские земли обрабатывались членами сельской общины; доходы от них в основном шли служителям сельских мечетей³.

В материалах архива «Абрамовской комиссии» 1906 г. мы читаем: «Результаты исследования комиссии показали, что в пределах Нагорной полосы Терской области землепользование по обычаю подразделяется на две категории: подворное и общественное. К первой категории относятся усадьбы, пахотные и сенокосные участки, виноградные и фруктовые сады; а ко второй – кроме земель, находящихся в пользовании частных лиц, все остальные земли, состоящие в общественном владении сельских обществ... Вторая категория земель, также как и первая, составляет неотъемлемую собственность сельских обществ, освященную вековыми обычаями, хотя здесь и не наблюдается третьего элемента собственности, т.е. распоряжения, но это обусловливается: во-первых, коллективным владением землею, и, во-вторых, такая земля состоит преимущественно из пастбищ, не может дробиться, так как в этих случаях обесценивается и становится незначительной для использования домашними животными».

Как уже отмечалось, многие должностные лица сельских обществ владели огромным количеством собственной земли (как пастбищной, так и пахотной), но получали, кроме того, еще и пай от общества. Им – «пред-

¹ РГИА СПб. Ф. 396. Оп. 2. Д. 645. Л. 78. ² Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица... С. 12–13. ³ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия... С. 89. РГИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 165. Л. 165; ЦГА ЧИАССР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 169 (Материалы Абрамовской комиссии по землеустройству Нагорной полосы Терской области от 1906 г.).

ставителям родов, являвшимся некогда носителями власти между горцами, принадлежат в Нагорной полосе обширные пространства, заключающие все виды угодий и дающие полную возможность вести самостоятельное хозяйство, независимо от земельных обществ. В настоящее же время частные владельцы в качестве членов сельских земельных обществ, помимо лично принадлежащих им земель, пользуются угодьями наравне с крестьянами, пасут скот на общественных пастбищах, рубят лес в общественных лесах...»¹.

Поскольку в горных районах Чечни основой хозяйства было скотоводство, то, следовательно, экономическое состояние горского населения в значительной степени зависело от наличия покосов и пастбищ, которых, как и пахотной земли, было очень мало.

У чеченцев пастбища вообще назывались «цана», общие – «юкьара цана», сельские пастбища – «юьртана цана», «тайпана цана» – тайповые. Земельные пахотные и сенокосные угодья имели название «куп»; они подвергались систематическим переделам². О наличии в Чечне общинных земель говорит и наш полевой материал. Так, пастбище «Мичелгиарди» принадлежало нескольким селениям ущелья р. Чанты-Аргуна. Обычно же каждое селение имело свое пастбище – гору «лам», где жители селения пасли скот без деления пастбища по отдельным кварталам или семьям. Часть сенокосов также находилась в общинном пользовании. Общесельские сенокосы имелись в Чеберлое – Хьаркьарой-лам, Цаной-лам, Чермой-лам и др.; в с. Макажой имелись сенокосы Кьусунчи, Садон-лам и др.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Чечне частично сохранялось общесельское пользование сенокосными участками. Кроме того, здесь встречалось и старое тайповое землевладение. Например, в Чантийском ущелье были два пастбища Махбоьчу и Дуркьечу, которыми пользовались только представители Эжинтайпа, Бахматтейпа и Кушенгиртейпа³. В с. Старая Сунжа тайп Чермой имел свою территорию, которая называлась «Чермой-мохк». Наш информант из с. Дышни-Ведено М. Мусостов рассказывал, что один из его предков, Олхмс, имел стадо овец, которое называли «Олхмс жа» – отара Алхмаса: оно выпасалось на их родовом пастбище – на горе «Гизгин-лам», где даже в настоящее время помнят об этом.

Несколько иным было землепользование в плоскостной Чечне, где его основной формой во второй половине XIX в. являлось общинное. Но наряду с общинным пользованием землей в плоскостной полосе была установлена

¹ ЦГА ЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 25. ² Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа: Чеченцы. Владикавказ, 1894. С. 39; Иваненков Н.С. Горные чеченцы // ТС. Владикавказ, 1910. Вып. VII. С. 48–49; Саидов И.М. Землевладение и землепользование... С. 164. ³ Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. 2. С. 181. ПМА. Информант Муаева Муслимат, 80 лет, с. Харачой, 1983 г. ПМА. Информант Азимов Халид, 1918 г.р., с. Дышни-Ведено, Веденский р-н, 1989 г.

и частная земельная собственность. Последнее право было «предоставлено некоторым лицам, оказавшим особые услуги правительству во время Кавказской войны»¹. В этих районах переделы общинной земли стали одной из важных функций сельской общины. Распределение земли происходило по дымам (домохозяйствам)². Если одно хозяйство насчитывало 5–8 человек и состояло из одной семьи, то другое могло насчитывать 20 и более человек (большая неразделенная семья) и включать в себя несколько малых семей. Однако земельные участки все домохозяйства получали в одинаковых размерах, что порождало неравномерное распределение земель, способствуя дальнейшему имущественному и классовому расслоению общества.

Анализ архивных и литературных источников, которые подкрепляются полевыми материалами, говорят о том, как происходил раздел пахотной и сенокосной земли (куп) в аульной общине во второй половине XIX в. Накануне передела от каждого квартала выбиралось по одному представителю – им обычно был глава патриимии, если квартал был таковым или глава квартала «купа да» – «отец квартала» и его помощник. Вся пахотная или сенокосная (куповая) земля делилась на столько участков, сколько было кварталов в селе. А затем уже

отдельно представители кварталов со своими помощниками производили дележ при помощи определенной мерки-палки (куру), имеющей до 6 аршин длины, или же при помощи веревки соответствующей длины.

Если, например, пай земли («цхъа дакъа») по своим качествам или же по своему неудобному местоположению оказывался хуже другого, то в качестве компенсации давались дополнительные прирезки земли. В других случаях, до деления на отдельные пай, вся площадь земли членилась по качеству на несколько полос (например, на лучшую по качеству, среднюю и худшую). В каждой из них затем нарезывались пай по числу платежных дымов в общине. Величина пахотного пая в нагорной местности не превышала 1,5 дес., а в основном была меньше 1 дес. Величина паев в плоскостной части в среднем колебалась от 2 до 2,5 дес. на дым. Администрация имела дело с главой квартала, патронимии или большой семьи, а уже его «внутренним делом» было распределение земли, сенокосов, угодий и повинностей между отдельными семьями. Такой порядок устраивал и старшин, и почетных людей, так как они могли, прикрываясь семейное-родственными отношениями, эксплуатировать своих родственников, перелазя на них ряд повинностей. Этот порядок также устраивал и администрацию, поскольку при таком управлении ей было удобно требовать выполнения всех общинных повинностей.

¹ Гриценко Н.П. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // ИЧНИИИЯЛ. Грозный. Т. 4. Вып. 1. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. С. 24–29. ² Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа... С. 62–63; Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1888. Вып. 3. С. 132; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Т. 2. С. 76–77.

Переделы пахотных земель осуществлялись в селениях не ежегодно, а через 3, 6, 9 и т.д. лет, причем в разных аулах по-разному. «Сроки общих или коренных переделов аульной земли между однообщинниками устанавливались не всегда, – отмечали Е. Максимов и Г. Вертепов, – в таких случаях переделы производились лишь тогда, когда большая часть членов общины, сознавая неудобство прежнего деления, пожелает нового передела. В других случаях передел назначается вперед через значительные промежутки времени, например, через 20 лет. Но в последние годы низшие административные власти стали побуждать аульные общества к сокращению сроков и производить их каждые 3 года...»¹. Сокращение сроков между переделами было нежелательным для чеченских крестьян, так как отрицательно отражалось на их хозяйстве. Некоторые исследователи, как уже отмечалось, считали введение царскими властями частых переделов земли для Чечни «шагом назад к более отсталому способу ведения хозяйства»².

«Остальное пространство земли, не вошедшей ни в общественное пользование поселян, ни в частное владение, было передано в непосредственное распоряжение казны для отдачи его в аренду по участкам малоземельных обществ и отчасти для образования в будущем свободного земельного фонда»³. Из общественного фонда земля, которая подлежала распределению, прирезывалась выделившимся семьям, а также некоторым из других аулов, если сельская община выносила такое решение. Из общественного фонда земли могли отдаваться в аренду представителям своего села или другого, а доходы шли на нужды общества. Часть общественного фонда засеивалась и обрабатывалась также сообща.

В общинном пользовании крестьян-горцев находилась и некоторая часть сенокосов, под которые отводились земли, непригодные по природно-климатическим условиям для земледелия. Каждое селение стремилось отстоять неприкосновенность своего участка, который ежегодно путем жребьевки делился на покосные пай. Довольно часто бедняк, попавший в кабалу к богатому человеку, отдавал ему свой пай за бесценок, оставляя свой скот без кормов. «Некоторые домохозяйства отдают свои пай в пользование другим лицам: иные на срок раздела, а другие – бессрочно, за плату, полученную однажды и навсегда», – отмечали исследователи в начале XX в. Крестьяне «за отсутствием собственного скота перестают пользоваться обще-

ственными пастбищами и постепенно образуют земельный пролетариат», – говорится в архивном документе.

¹ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа... С. 61. ² Саидов И.М. Земле- владение и землепользование ... С. 169. ³ ЦГА ЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 3. ПМА. Информант Дагаев Юсупхаджи, 1917 г.р., с. Новые Атаги, Шалинский р-н, 1986 г. ЦГА ЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 40. Л. 1. ЦГА ЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

Горные чеченские пастбища находились в общественной собственности, и в конце XIX в. ими пользовалось несколько селений (в связи с объединением жителей аулов в одно сельское общество). На этой почве часто возникали различные недоразумения, происходили острые столкновения, что подтверждает прошение крестьян с. Соной о признании их прав на пользование горой «Соной-лам» в Грозненском округе в 1910 г. Они, в частности, писали: «75 лет как мы пользуемся горой “Соной-лам”, платя оброк и отбывая повинности, причем в летние три месяца жители селения Хала-Кала пригоняли на пастбище своих быков, мы этого им не восбраняли. Такое пользование этой горой бесспорно непрерывно и на праве почти собственности продолжалось вплоть до конца мая месяца сего года. Что это так, что гора наша, видно из того, что она называется именем нашего села “Соной-лам”. В последнее же время соседи наши, халикелоевцы, насильственно целым обществом при оружии выйдя, захватили эту гору, не оставляя для нашего скота и пяти пастбища, причем при малейшем проявлении протеста готовы были вооружено напасть»¹. И таких примеров в архивных документах различных лет более чем достаточно². Кроме того, следует отметить, что общественные земли сокращались и за счет самовольных захватов со стороны старшин и богатеев. «Вопрос захвата общественной земли очень серьезный и важный. Он существует во всех обществах. Многие зажиточные члены общества, не имея права занимать новые земли, но желая увеличить свои владения, делали это незаметно, прибавляя к существующим уже займищам смежные неразработанные земли. Безземельный класс в обществах очень недоволен положением, занятым имущим классом»³.

С увеличением народонаселения и сокращением земли, пригодной для пастбищ, чеченские крестьяне стали договариваться о распределении их между селениями, если участки были общими, при этом, как правило, точных границ не указывалось, и более сильные соседи выпасали свой скот не только на своем пастбище, но и на чужом. Такое положение приводило к частым столкновениям между соседями, и порой случалось, что крестьяне одного селения ходили «войной» на другое селение из-за ранее принадлежавших пастбищ. Например, на севере горы Элкарт-корт покосное место мажоевцев оспаривалось в районе владения Бгачароевского общества на том основании, что родоначальник Садо (Садо) 15 поколений тому назад поселился в том месте, но потом перебрался в настоящее место – на расстоянии дня езды.¹ Там же. Л. 36. ² Там же. Д. 403. Л. 1. ³ Иваненков Н.С. Указ. соч. С. 48. ЦГА ЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3698. Л. 20–83. Чечня // Труды комиссии по исследованию земледелия и землепользования в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 242.

Другой спор долгое время тянулся между селениями Ньюхой и Дачу-Борзой о полянах Дени-ирзу и Орнаш-ирзу, расположенных на хребте одного из отрогов Андийского хребта. Ньюхойцы основывали свое право на давности владения, Дачу-борзойцы же противопоставляли им следующее основание. Когда в 1877 г. вспыхнуло восстание в Чечне, первые были на стороне предводителя восстания Алибека-Хаджи, а вторые помогали царским войскам. После усмирения восстания ньюхойцы, из боязни наказания, разбежались по разным местам, а их покосные угодья достались по распоряжению начальства «верным» жителям с. Ньюхой и они пользовались ими в течение последующих 13 лет (до 1890 г.). И вдруг помощник начальника округа приказал возратить покосы их прежним владельцам – с тех пор и те, и другие находились в постоянных спорах и столкновениях: травили покосы, воровали друг у друга скошенное сено и т.д.¹

Можно сказать, что стараниями царской администрации в Терской области был юридически завершен процесс формирования класса крупных земельных собственников. Причем начало его формирования следует относить к гораздо более давнему времени, чем вторая половина XIX в. Начиная с XVI–XVII вв., как свидетельствуют жалованные грамоты русских царей, за старыми княжескими фамилиями кабардинского, дагестанского и др. происхождения были закреплены на плоскости большие земельные владения. В конце XIX в. князья Бековичи-Черкасские имели уже 6350 дес. земли, Алхазовы – 2800 дес., Эльдаровы – 1400 дес., Таймазовы – 6550 дес., Турловы – 2000 дес.² и т.д. Эти фамилии стали полными и безраздельными собственниками пожалованных им земельных владений, имея право продавать их, дарить, сдавать в аренду; они имели также право лишить членов своей фамилии пользования выделенными земельными участками и т.д. Частновладельческие земли имелись и у других лиц – отставных генералов, офицеров, чиновников и т.п. Что же касается рядовых горцев, как уже отмечалось, существовало мнение, что для них «большой земельный надел положительно будет вреден. Изобилие земли дает им возможность пренебрегать ее возделыванием и заниматься усиленным скотоводством. Этот промысел, когда он берет перевес над земледелием, приучает жителей к праздности, а отсюда развивает и поддерживает в них страсть к хищничеству»³.

Хроническое малоземелье в Чечне приводило к развитию разных видов аренды, что находило оправдание и в традициях. Так, у чеченцев издавна существовал обычай отдачи земли в бессрочное пользование другому лицу, например, за какой-либо долг – лошадь, тягловый скот и т.п. Суть состояла и в том, что земля возвращалась вместе с возвращением взятой вещи или

¹ Там же. С. 244. ² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 119. ³ ЦГИАГ. Ф. 545. Д. 3392. Л. 60.

погашением долга. Например, падеж скота мог сделать временно ненужной часть земли, и она отдавалась в залог за одолженный скот. Необходимость жениться также заставляла заложить землю и приобрести средства на уплату калыма; неурожай или уход из общества на заработки могли быть еще одной причиной отдачи земли в бессрочное пользование за плату¹.

Встречались и другие примеры. Так, житель с. Умат-Кале Д. Калоев имел 5 загонов*, присужденных ему судьями-примирителями за выбитый глаз, который был оценен в 50 руб. «Если преступник отдаст деньги Даде, то загоны возвратят себе. Обязательство остается в силе и для наследников обеих сторон»², – отмечалось в Трудах комиссии.

У чеченцев существовало также право купли-продажи своих родовых участков, возникшее довольно давно. Так, в Трудах комиссии говорится: «Курбан Межидов в сел. Химой распродал все свои родовые участки, вследствие бывших у него долгов, неимения хлеба в один из неурожайных годов и по случаю женитьбы. Распродавая участки, он говорил: “Куплю у кого-либо, когда разбогатею”»³. Там же приводится и другой пример: «В селе Горой Нихароевского общества предок их Горой купил землю за 60 коров 11 поколений назад, с тех пор потомки Гороя живут на ней... Поименованные покупки совершались на большие участки земли, на которых ныне живет 165 семей; что касается позднейших сделок по этой части, то они имеют предметом небольшие участки». При продаже земельных участков во всех случаях требовалось, чтобы вначале при купле предложили это сделать родственникам, затем соседям и лишь после их отказа имел право купить, кто хочет (из своего селения), затем уже чужеродцы и жители других аулов.

Известно, что имеют право продавать, дарить и т.д. только ту собственность, на которую юридически существует право. Земля у чеченцев подвергалась торговым операциям. В «Трудах комиссии...» отмечено: «В какое время возникли сделки, неизвестно. Но исследования показали, что очень давно. Так, в селении ... Химой земля куплена 8 поколений назад за скотину

¹ Труды комиссии... С. 205.

Загоны – небольшие участки земли, разбросанные в разных местах, на больших расстояниях и высотах вокруг горного селения. Термин «загон» – русского происхождения, вошедший в употребление в процессе статистических описаний края. «Загон» – это пахотный участок земли от четверти десятины до полосы шириной 2 сажени. Это понятие у чеченцев обозначалось словом «урд», что переводится как участок, который можно вспахать одним плугом за один день. Он имел размер примерно 24 x 400 аршин.² Труды комиссии... С. 205.³ Там же. С. 205–206. Труды комиссии... С. 205–206. Там же; ПМА. Информант Испиев Ацу, 1912 г.р., с. Шарой, Шатойский р-он, 1979 г. В 1906 г. в Владикавказе заместителем Кавказа была создана комиссия для устройства населения Нагорной полосы. В нее входило 6 человек во главе с председателем Абрамовым, по имени которого она получила название «Абрамовской». В 1908 г. комиссия опубликовала «Труды по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области». Владикавказ, 1908.

ценою около 3600–4600 руб.». Далее в трудах комиссии отмечалось, что «в настоящее время сделки производили мало, потому что земли стало меньше, если продать, то негде приобрести ее»¹.

В конце XIX – начале XX в. право на землевладение и землепользование в плоскостной Чечне существенно отличалось от существовавшего в Нагорной полосе. Отметим, что здесь не могло быть участков земли, в основе своей опирающихся на право заимки, видимо, они были потеряны вследствие бесконечных переселений в ходе Кавказской войны и после нее; «не осталось ни одного аула, ни одного двора, которые по несколько раз не переселились бы с одного места на другое»², – читаем мы в архивных материалах и других источниках³.

В целом можно сказать, что к концу XIX – началу XX в. чеченскую общину пронизывали не только арендные отношения, но и отношения купли-продажи земельных участков. С экономической точки зрения аренда была неоднозначной и в ней наблюдались еще и давние капиталистические формы, даже при сдаче земли в аренду крупными земельными собственниками Чечни. Имела место и издольщина – аренда из нужды, и ростки капиталистической аренды, когда земли арендуют сельские богатеи и с помощью наемного труда извлекают с этих земель прибыль (предпринимательская аренда). Одним словом, сложность и своеобразие общественных отношений у народов Северного Кавказа нашли отражение и в сложных разнообразных формах аренды, существовавших здесь в пореформенный период, и в существовании общинного землевладения и землепользования.

Отметим, что в рассматриваемое время в Чечне существовали следующие основные собственники земли: частные владельцы; мусульманская мечеть; все они противостояли основному производителю на этой земле – крестьянству. Частновладельческие (владельческие) земли сосредоточивались в большинстве случаев на равнине, преимущественно в Надтеречном участке Грозненского округа. Главные собственники владельческих земель, которые признавались царскими властями, владельцы (князья, эльдары) кабардинского и дагестанского происхождения – к указанному времени «уступили» значительную часть своих земель новым владельцам, чаще всего предпринимателям из разбогатевших купцов и крестьян. Наряду с ними к новым владельцам переходили и земли, полученные от царизма представителями местной знати и офицерами за те или иные действительные или мнимые «заслуги» перед царскими властями, в основном во время покорения края. Роль в предпринимательской деятельности мелкой земельной крестьянской собственности (мюльков) в пореформенный период на горных территориях также стала возрастать. Казна была не только крупным земельным собст-

¹ Труды комиссии С. 206. ² РГИА СПб. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 99. Л. 7 об. ³ АКАК. Т. 12. С. 1954.

венником, но и претендовала на владение всеми землями в крае по праву завоевателя, в том числе и надельными землями крестьян – членов сельских общин.

Итак, завершая раздел о формах землевладения и землепользования, а также о социальных отношениях в сельском обществе чеченцев, следует отметить, что все они в этот период подвергались некоторой трансформации. Примечательно, что культурные и торгово-экономические связи чеченцев с другими северокавказскими народами, а также с различными регионами России расширились и углублялись. Как справедливо отметил Ш.Б. Ахмадов, произошла четкая, более ярко выраженная социальная дифференциация сельской общины чеченцев. В обществе сосуществовали различные социальные категории людей: социально-имущая – князья, владельцы, богатые, знатные уздени, почетные и влиятельные старшины, мусульманское духовенство; социально-зависимые – холопы, лаи, ясыри работные люди¹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.